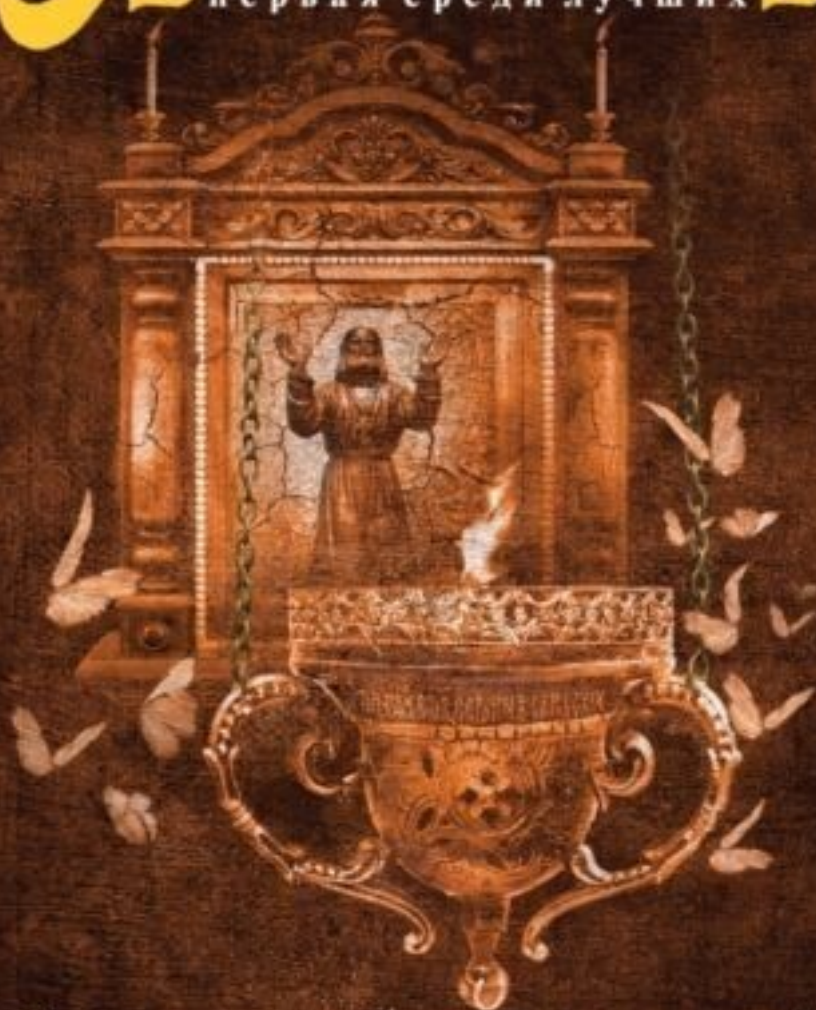

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Колодец забытых желаний

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
Колодец забытых желаний

«ЭКСМО»

2007

Устинова Т. В.

Колодец забытых желаний / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2007 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-699-21130-2

Вот сейчас, в этот самый миг, в это самое мгновение, когда он должен принять судьбоносное решение, Олег Петрович испугался. Испугался и подумал: зачем ему это нужно?! Эта женщина, эта новая жизнь?! Но события последних дней все перевернули, все поставили с ног на голову... Икона с ликом Преподобного Серафима Саровского, которая словно сама попала к нему в руки, кража из музея уникальной демидовской коллекции, убийство его старого друга антиквара Василия Дмитриевича... Ясно как божий день — все это было предопределено. Предопределено кем-то свыше. Кем-то, кто послал ему на жизненном пути эту женщину...

ISBN 978-5-699-21130-2

© Устинова Т. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	42
-----------------------------------	----

Татьяна Устинова

Колодец забытых желаний

«...О, как много попыток, как мало проку. Это значит, придется мне вам и вашему королю в сотый раз показывать этот фокус. Запускать во вселенную мелкую крошку из ваших тел, низводить вас до статуса звездной пыли. То есть можно подумать, что мне приятно. Я не хотел, но не я виноват, что вы все забыли! Раз-два-три. Посчитать расстояние по прямой. Небольшая вспышка в точке прицела. До чего надоело, господи боже мой. Не поверишь, боже, как надоело».

Дмитрий Быков. Двенадцатая баллада

Глухим звоном, как из подполья, вдруг зашелся телефон, и Василий Дмитриевич, пробормотав: «Простите великодушно, юноша», проворно потрусил в полумрак, куда не доставал желтый свет лампочки.

Олег неторопливо перевернул икону и взглянул на нее с обратной стороны, хотя все равно ничего особенного не высмотрел бы – в иконах он совсем не разбирался. Но именно в этой была какая-то странность, причем не простая, а радостная странность, иначе он не мог ее определить. Лик был светел, и от него не хотелось отводить глаз. Олегу вдруг подумалось, что радость исходит именно от лика. Пожалуй, он даже чувствовал ее, как тепло.

Удивительно.

В пахнувшей пылью и мышами глубине что-то стукнуло, по-немецки пробормотали: «Atzend» (дурак, козел), телефонные трели оборвались, и Василий Дмитриевич сказал солидно:

– У аппарата.

Собственно, Олегу ничего не было нужно, и зашел он просто так. Он любил старика, а тут вдруг среди бела дня оказался на Фрунзенской набережной, как не зайти!.. Прислушиваясь к разговору и по опыту зная, что беседа может затянуться очень надолго, Олег аккуратно поставил икону на богатый секретер, который он на глаз определил как недурную подделку под модерн, и стал пробираться к выходу.

На пути ему попались китайские вазы, «Ундервуды», два дивных портрета – на одном прекрасная дама на летней веранде, глаза возведены к небу, в пухлых руках груды незабудок, а на другом Сталин в окружении колхозной детворы, – несколько парчовых кресел с вытертой обивкой, напольные часы без стрелок, как пить дать из салона Анны Павловны Шерер, и еще много всякого разного, в чем он так любил копаться, когда у него было время!..

Он дошел почти до заваленного бумагами и всяким старьем письменного стола, за которым обычно сидел Василий Дмитриевич и читал под зеленой лампой толстую засаленную книгу, помедлил и оглянулся на поддельный модерн с оставленной иконкой.

Нужно забрать, вдруг сказал кто-то у него в голове. Забрать и отдать кому-нибудь, кто понимает, чтобы посмотрели и оценили. А вдруг это подлинник?..

– Голубчик вы мой, – бормотал за ширмой Василий Дмитриевич, – да где же я вам возьму второй точно такой же?! Этому торшеру черт знает сколько лет, черт знает сколько!.. А плафон я вам заказал, заказал, голубчик! Вася к среде не обещал, но сказал, что на следующей неделе уж точно!.. Нет, нет, и супруге вашей передайте, что плафон будет в точности... Да где же мы с вами достанем второй?! Нет, я очень уважаю вашу супругу, но где же?!

Олег сунул руки в карманы джинсов, пошевелил там пальцами, вынул и еще раз оглянулся на икону.

Да. Странно.

...или на самом деле забрать?

Зачем? Он ничего не понимает в иконах, и даже специалистов никаких не знает!..

У порога звякнул меланхоличный колокольчик, проскрипели замороженные петли тяжелой двери, и по каменному полу процокали каблучки.

Девушка сощурилась в полутьме, поизучала его, улыбнулась и сказала негромко:

– Привет.

– Привет, – согласился Олег.

– Я пришла, – объявила девушка, – как договаривались, после двух!

– Я рад, – сказал Олег, не найдя ничего лучшего.

Она поводила головой, разматывая шарф, локоны падали ей на щеки, и она досадливо смахивала их рукой в перчатке.

– Ужас, – воскликнула она, сняв шарф, – ну и мороз!.. Градусов триста!

Она сунула шарф ему в руки, и он его принял, а девушка стянула перчатки и протянула ладошки к раскаленному рылу допотопного рефлектора, который среди прочих нужных вещей был помещен на столе у Василия Дмитриевича.

– Тепло, хорошо, – сказала она весело. – А как вас зовут?

– Олег Петрович.

От ее шарфа пахло духами и улицей, и мех щекотал ладонь, и Олег никак не мог придумать, куда бы его деть.

– Значит, Олег, – подытожила девушка. – Называть вас по отчеству я не буду. А мое имя Виктория.

Олег не понял, почему она не будет называть его по отчеству, хотя именно так его называет большинство знакомых, но слегка поклонился.

– Ну, показывайте! – велела Виктория. – Я так давно жду! Вам ведь наверняка Василий Дмитрич оставил все инструкции. Кстати, а где он сам?..

Олег помолчал, а потом принял решение.

Он пристроил пахнувший духами шарф на крюк поверх потертой, выгоревшей и довольно пыльной кепки с надписью «Динамо», заглянул за ширму и сказал громко:

– Василий Дмитриевич! Тут к вам прекрасная барышня! Говорит, что вы должны были оставить мне инструкции!..

Старик пробормотал по-немецки: «Blödsinn»¹, зажал желтую телефонную трубку большой рукой и стал делать Олегу знаки лицом.

– Я не понимаю ничего, – громко и весело признался тот. – Вы мне словами скажите!

– Да пойдите же, пойдите к ней, – прошипел Василий Дмитриевич и локтем подтолкнул Олега Петровича. – Ну, покажите ей что-нибудь!

– Василий Дмитриевич! Вы где? – позвала сзади прелестная барышня Виктория. – Я пришла!..

– Она пришла, а у меня ничего! А она платит!.. Большие деньги! – телеграфно выстукивал Василий Дмитриевич на ухо Олегу. От его фуфайки несло нафталином, табаком и кофе. – Займите ее! Только пусть не уходит! Давайте, вы должны ее очаровать!

– Васи-илий Дмитриевич!

Старик прокричал в телефон, который шмелиным басом гудел у него в ухе:

– Да, голубчик мой, да! Сейчас! – И опять зажал трубку.

– А что хоть она просила-то?! – тревожным шепотом спросил Олег.

– Ах, ну что они все нынче просят! Стулья из дворца! Непременно кресло и непременно гамбса! Давайте, идите! Покажите ей секретер! – И снова в телефон: – Голубчик вы мой, да где же я вам возьму второй точно такой же, даже любя вашу супругу более самого себя?!

Олег вышел из-за ширмы и оценивающе посмотрел на девушку.

¹ Глупость, идиотство, чепуха (нем.).

Локоны, распахнутая шуба, замшевый жакет, каблучки. Ногти – лепестки, щеки – пионы.

– Ну?! – спросила она весело. – И что дальше?!

– Посмотрим, – ответил Олег Петрович уклончиво. – Только никакого гамбса у Василия Дмитриевича, конечно, нет, а я уполномочен показать вам секретер. Хотите?

– Как нет?!

Он удивился, что она до сих пор не догадалась.

– Да вот так. Не повезло вам.

– Ну, он же обещал! – беспомощно вскрикнула Виктория. – Мне так нужно! Мне для мамы нужно, не себе! У нее ремонт заканчивается!

– Хотите, покажу секретер?

– Ах, зачем мне секретер?! Он же обещал кресло, и именно гамбсоновское!

Олегу вдруг стало ее жалко.

– Ну, ведь Василий Дмитриевич не сам их делает! Он же не Гамбс!

Виктория посмотрела на него подозрительно.

– Смеетесь?

– Ну, вот не Гамбс и не Гамбс, – повторил Олег Петрович. – Итак, или секретер, или мне придется отклоняться и вверить вас заботам Василия Дмитриевича, хотя он и не Гамбс!

– Подождите, – сказала она с недоумением, – а разве вы здесь не работаете?

Олег Петрович признался, что работает совершенно в другом месте.

– А зачем вы мне тогда столько времени голову морочите?!

Олег Петрович решительно отказался от того, что он в принципе может морочить голову такой прекрасной барышне.

– А тогда вы кто?

Олег Петрович поинтересовался, в каком смысле «кто», а Виктория окончательно рассердилась и повернулась к нему спиной.

Игра неожиданно стала его увлекать, да и девушка на самом деле была красивой. Красивой и забавной.

– Извините меня, – сказал он с известным раскаянием в голосе. – Я правда здесь не работаю, я просто дружу с Василь Дмитричем и иногда к нему заезжаю. У него действительно нет сейчас никакого гамбса, хотя, быть может, он вам его и обещал.

– Но ведь...

– Ну нету! – перебил Олег и развел руками. – Хотите посмотреть секретер? Подделка, конечно, но очень хорошая!

Он и сам толком не знал, чего именно ему больше хочется – развлекать барышню или вернуться к оставленной иконе.

Виктория пожала плечами под легкой шубкой и посмотрела на Олега оценивающе.

Да. Ничего такого, что можно было бы оценить в положительном смысле. Одеваться он не умел и не любил. Следуя за ее изучающим взглядом, он осмотрел свои джинсы – джинсы как джинсы, не слишком новые, но любимые, – черный свитер грубой шерсти с полосой на животе и ботинки на толстой подошве.

– Олег Петрович, Олег Петрович, – сокрушаясь, часто повторял Гена Березин, его водитель, – мне бы ваши возможности да ваши денежки, я бы выглядел, как Микки Рурк!

Олег Петрович всегда в таких случаях представлял себе Гену с набриолиненным пробормом, в ботинках на босу ногу, пиджаке на голое тело и с гардений в петлице, и разговор о моде как-то сам собой увядал.

Должно быть, джинсы и свитер Виктории тоже не внушили никаких оптимистических надежд, потому что она стала изучать его лицо.

Лицо у него тоже так себе, Олег знал это совершенно точно. Кроме того, он рано начал лысеть и уже много лет брился наголо, что общей красоты ему решительно не добавляло.

Вот так возьмешься произвести впечатление на барышню, распушишь хвост, встопорщишь перья, как-то даже притопнешь молодцевато, словно парубок на гулянье, а тут раз – череп лысый, рожа небритая, ботинки так себе, джинсы посредственные, на пузе полоса. И что дальше?..

Виктория еще какое-то время смотрела на него почти с отвращением, потом вздохнула тихонько и сказала обреченно:

– Ну, пойдемте, что ли! Показывайте ваш секретер. Хотя он мне совершенно, совершенно не нужен!

Мимо «Ундервуда», динамовской кепки, скрытой под ее норковым шарфом, мимо китайских ваз, Сталина в окружении детворы и дамы в окружении незабудок они добрались до секретера, на котором светлым ликом сияла давешняя иконка, и уставились на него.

Собственно, Олег смотрел на икону, а Виктория на секретер.

Что такое, думал он напряженно. Почему меня тянет взять икону в руки и больше никогда и никому ее не отдавать?! Может, так и сделать, и шут с ней, с экспертизой?..

Что такое, думала она расстроенно. Почему нет кресла, маме так хотелось, и я ей обещала, и этот старый хрыч сказал, что достанет! Ну, не в Лондон же лететь, на самом деле! Нет, можно и слетать, но контейнер оттуда придет неизвестно когда, а маме хочется именно сейчас! И еще этот бритый привязался! Можно подумать, что он мне пара!..

– Ну вот, собственно, – промямлил Олег и указал рукою на секретер. – Это не модерн, конечно, но вполне может статься, что в похожем секретере хранил свои рукописи Осип Мандельштам или... или...

– Анна Ахматова, – мрачно подсказала Виктория.

– Ну, это скорее мужская мебель, чем женская, но почему нет?.. Почему, собственно, не Анна Андреевна?..

– Да потому что мне не нужен секретер, а нужно кресло!

Щеки у нее еще горели с мороза, и она была розовая, хорошенькая, вкусно пахнущая. И тут Олег Петрович все придумал.

– Слушайте, – сказал он, – давайте начнем все сначала. Как будто вы не приняли меня за приказчика, а я вам вовсе не хамил. Я приглашаю вас на... – Он отогнул манжету своего рыбацкого свитера и посмотрел на часы. Во-первых, потому, что так делал герой в каком-то кино, приглашая на свидание героиню, а во-вторых, потому, что на пять у него была запланирована встреча, которую он отменить никак не мог, и необходимо было управиться. – На кофе с бутербродами.

– Меня?! – поразила Виктория.

Он помолчал.

– Если бы я хотел пригласить Василия Дмитриевича, то сделал бы это заранее.

Лицо у нее стало насмешливым, и он совершенно точно знал, о чем она думает.

Конечно, ты мне не пара. Конечно, я тебе нравлюсь, я красавица, а ты урод. Конечно, тебе до смерти хочется показаться со мной на людях. Но я сейчас тебе откажу. И я не понимаю, как ты вообще решился!.. А впрочем, день все равно испорчен! Кресла-то нету!..

– Ну... хорошо, – сказала она, запнувшись именно там, где нужно, и именно так, как нужно. – У меня есть полчаса, раз уж так вышло!.. А вы знаете где-нибудь поблизости приличное место?

Олег Петрович знал поблизости много разных мест – разных как раз по степени приличия и неприличия, – но особенно разгоняться не стоило. В пять встреча, и вообще он видит ее первый раз в жизни!

– За углом чудесная французская кофейня. Называется «Кадо». Вы знаете, что означает это слово?

– Подарок, – буркнула девушка, и Олег Петрович порадовался, что не ошибся. Мало того, что хорошенькая, еще и по-французски говорит. А может, и не говорит, так, нахваталась где-нибудь!..

Аккуратно и чуть брезгливо неся полы шубки над пыльной рухлядью, она пробралась к выходу, а Олег Петрович помедлил и взял с секретера икону. Старец смотрел теперь прямо на него, и ему показалось, что одобрительно.

Господи, что за чепуха! Blüdsinn, сказал бы Василий Дмитриевич, любивший крепкие немецкие словечки.

– А это что такое?

– Где?

– Да у вас в руках.

Олег не понял вопрос.

– Икона. Вы разве не видите?

– Да уж вижу, – сказала Виктория с сарказмом. – А вы что? Православный любитель икон?

– В какой-то степени, – пробормотал Олег, – в какой-то степени любитель.

– Дайте посмотреть.

Выпускать икону из рук Олегу не хотелось. Ну вот совсем не хотелось!.. И он просто повернул ее ликом к девушке. Она глянула насмешливо.

– Что это вы в нее так вцепились? Боитесь, что отниму?

Он пожал плечами. С ним уже давно – сто лет! – никто не разговаривал в таком тоне, и он... терялся немного.

За ширмой продолжали бормотать, и время от времени слышались немецкие ругательства.

– Василий Дмитриевич, мы пошли! – громко сказал Олег в сторону ширмы. – До свидания!

– Голубчик, простите великодушно, но как раз привезли ваш плафон, – залихватски соврал старик за ширмой, и Олег улыбнулся. – Да, да, непременно перезвоню, голубчик! Непременно! Как только увижу своими глазами, так сей же момент перезвоню!..

– Ну, дайте мне уже мой шарф, – приказала Виктория. – Или вы думаете, я сама буду его оттуда... стягивать?

– Да, да, всенепременнейше, голубчик, а супруге передайте поклон и уважение и уверения во всяческом...

– Держите ваш шарф, и где-то здесь была моя куртка...

– Вон на стуле что-то валяется, это не она?

– Вы не поверите, но как раз она.

– Да, да, голубчик вы мой, вынужден прервать, чтобы бежать. Плафон, знаете, вещь хрупкая...

Олег натянул куртку, не выпуская из рук икону. Ну, вот не хотелось ему ее выпускать!..

– Василий Дмитриевич, мы пошли! Прекрасную барышню я у вас забираю! – Он почти выговорил «похищаю», но в последний момент чувство юмора все же вмешалось и не позволило так уж напрямую следовать законам жанра.

– Нет, нет, постойте! Ради бога, простите!.. Нет, это я не вам!

– А икону я возьму, покажу специалистам, – негромко продолжил Олег, заглядывая за ширму. Старик посмотрел на него несчастными глазами и попилил рукой по синему шарфу, который был намотан у него на шее. Олег еще понизил голос. – Да я все понимаю, и она все

понимает и не обижается! Выгодного клиента вы не потеряете, я вам точно говорю. Икону на следующей неделе привезу.

– Да, да, да, только вы уж с девушкой поласковее, Олег Петрович! Платит много! Хорошая девочка и платит много!..

После полумрака антикварной лавки свет морозного дня показался Олегу ослепительным, почти невыносимым. В лицо дохнуло холодом с реки, он прищурился, и глаза сразу заслезились.

Виктория, поправляя на носике темные очки, посмотрела на него насмешливо.

– Ну, и где это ваше «Кадо»?

– Да вот направо и за угол. – Он вытер глаза, сознавая, что выглядит не очень, и показал рукой, куда именно.

– Мы что?! – спросила Виктория. – Пешком пойдем?! В такой мороз?!

Олег открыл глаза, уже немного привыкшие к свету, набрал полную грудь мороза, с силой выдохнул и посмотрел на Нескучный сад на той стороне замерзшей реки. Сад стоял белый, торжественный, недвижимый, как немецкая рождественская декорация возле вертепа.

– Мы пойдем пешком, и вы вполне можете взять меня под руку, – сказал галантный Олег Петрович, согнув руку кренделем. – Это всего в двух шагах.

Краем глаза он видел свою машину и Гену, который, перегнувшись через руль, пристально на него смотрел.

Никаких подвохов со стороны Гены он не ожидал. Тот все сообразит правильно и окажется в нужное время в нужном месте, в этом можно не сомневаться. Они работали вместе уже много лет и никогда друг друга не подводили.

Раз хозяин ведет барышню за угол, да еще выставив локоть крендельком, значит, так нужно, значит, в машину он приглашать ее не изволит – у него свои планы. А мы потихонечку тронем, и никакая барышня нас не заметит!.. Мы дадим им отойти подальше и уж только потом тронем, и машинка у нас тихая, прокрадется неслышно, а уж когда Олег Петрович выйдет – мы тут как тут!

Виктория брать своего новоявленного кавалера под руку не стала, опять зачем-то поправила на носу очки и раздраженно засеменила рядом, а он еще раз взглянул на торжественный сад на той стороне реки, услышал, как аппетитно скрипнул снег под колесами его тяжелой машины, понял, что Гена Березин тронулся следом, и поудобнее пристроил икону под курткой.

– Итак, что у нас в программе? – лихо спросил он у Виктории и все же поддержал ее под локоток, когда она чуть-чуть споткнулась. – Горячий кофе и французский сливочный торт! Или вы любите шоколадный?

– Я вообще не ем никаких тортов.

– Напрасно! В Париже напротив Люксембургского сада есть чудесная кофейня, называется «Delvaux», там подают изумительные шоколадные тарталетки с вишней.

– А вы что? Бывали в Париже?

– Бывал, – признался Олег Петрович, – и не раз, Виктория! И в Париже бывал, и в кафе! Завсегдатаи там французские старушки с фиолетовыми кудрями, старики в клетчатых пиджаках, ну и, разумеется, их бульдоги. И какое-то количество молодежи из Сорбонны, способной заплатить за кофе с пирожным сорок евро или около того.

– Господи боже мой, – пробормотала Виктория и пожала плечами. – Сорок евро, какая чепуха!..

– Не скажите, дорогая Виктория, не скажите, – развлекая себя, продолжал Олег Петрович, – может быть, для нас с вами это и чепуха, но для огромного большинства людей...

– Ах, какая мне разница! Если у человека нет денег, особенно у мужчины, он или туп, как пробка, или ничего не может, или слабак.

– Вы уверены? Вы совершенно уверены в этом, Виктория?

– Ну конечно! И какое мне может быть до них дело?! У моего папы есть деньги, и у всех его друзей есть, и у мамы тоже – папа ей дает! Па-адумаешь, сорок евро!

– То есть все до одного, кто не может потратить сорок евро на кофе, – сплошь слабаки и тупицы?

– Ну конечно! Если остальные могут, почему они не могут?

Он помолчал, потому что девушка неожиданно стала его раздражать, и рука, сложенная кренделем, утратила всякий смысл, и пионовые щечки потеряли привлекательность, и приключение превратилось в глупость.

Сорок евро?.. Сорок евро на кофе?..

И он опять прищурился на Нескучный сад на той стороне.

...денег не было. Денег не было никогда. Он писал статьи в научные журналы, во все подряд, и иногда ему давали гонорар. Долларов, может быть, тридцать, и это было счастье, праздник, сказка! Он ехал в Академию наук, подгадывая электрички так, чтобы успеть, пока открыта касса, расписывался в ведомости, которую подавала ему толстая насморочная женщина в шали. Он до сих пор помнил, как ее звали – Любовь Петровна, вот как. Шмыгая носом, она подвигала к нему бумагу, а он всегда ревниво изучал в разграфленных прямоугольниках другие фамилии, против которых были суммы, казавшиеся ему огромными, – некто Дынин должен был получить сто восемьдесят долларов тридцать семь центов. Как он тогда завидовал этому неведомому Дынину! Сто восемьдесят долларов, да еще тридцать семь центов, они-то откуда взялись?! Олег расписывался, и получал денежки, и бережно складывал их в бумажник, где болтался рубль или два и мелочь в отдельном карманчике! Потом ехал домой, чувствуя себя богачом, миллионером, дельцом, доллары в кошельке придавали ему уверенности в себе и в том, что он все может, что он хороший муж и отец!.. В кооперативном гастрономе на площади он обязательно покупал колбасу, ма-аленький кусочек, и десяток яиц, и молоко, и тогда наутро у них был омлет, райское наслаждение, пища богов! И жена светлела лицом, когда он вынимал десятки с американским президентом, – две он всегда привозил «нетронутыми», шиковал на одну, а разменянные рублики они прятали. Ну, вот просто брали и прятали, куда придется, в карман шубы, если было лето, или в сарафан, если зима. Прятали, чтобы потом «найти»! Какое это было счастье – неожиданно найти в кармане неучтенный рубль, и как это было много!..

Он тогда все время думал лишь о том, как ему добыть денег. Он был совершенно уверен, что, как только он придумает и добудет, его жизнь станет сказочно прекрасной. Счастье, которого и так полно, можно будет просто хлебать ложкой, как щи.

Сорок евро!..

Он придумал, как добыть денег, и добыл их, и только бог знает, чего ему это стоило. Жена ушла – или он от нее ушел, сейчас уже и не вспомнишь, – дочка почти выросла и почти без него, и к сорока годам выяснилось, что счастье – это когда есть два свободных часа и можно заехать к Василию Дмитриевичу, покопаться в пыльном старье, найти непонятную икону, сунуть ее под куртку и шагать по скрипучему снегу, прищуриваясь на Нескучный сад.

Такое счастье выпадает нечасто.

Девушка – он вдруг позабыл, как ее зовут, – стрекотала рядом с ним, кажется, на что-то сердилась, а он все щурился и слушал, как скрипит снег под подошвами его тяжелых ботинок.

Тут он сообразил, что они идут не просто так, а «на кофе».

Кофейню они прошли, и пришлось немного вернуться, и, пока они возвращались, он пристально смотрел на Гену, а Гена из-за лобового автомобильного стекла – на него, и казалось, водитель спрашивает, что это такое Олег Петрович затеял ни с того ни с сего, да еще в середине дня.

Отвечая на безмолвный Генин вопрос, Олег Петрович пожал плечами и придержал дверь перед Викторией – вот как ее зовут, теперь он вспомнил!..

Внутри никого не было и вкусно пахло – кофе, сдобой, свежим пирогом, – и все столики у окна оказались свободны, и он сел так, чтобы Гене было его видно. Они и так все время ругались, что Олег Петрович фланирует в одиночестве, без охраны.

– Мне бы ваши возможности и ваши денежки, – восклицал Гена, – на меня бы такие профессионалы работали, что блоха носа не подточит!

Олег Петрович моментально представлял себе Гену в окружении профессионалов, почему-то исключительно в темных очках и спецагентовских костюмах, и еще представлял блоху, которая не может подточить свой нос, и они кое-как договаривались, что, покамест Олег Петрович начальник, а Гена водитель, никаких профессионалов в свою жизнь они привлекать не будут. Обойдутся как-нибудь.

И вот как только Олег разместился сам, пристроил на свободный стул икону, и Victорию усадил, и меню попросил, у него зазвонил телефон. Полдня не звонил, а тут вдруг на тебе!..

– Простите великодушно, – сказал Олег, решив придерживаться выбранного тона до конца, вытащил трубку, посмотрел и удивился. Звонил Василий Дмитриевич, с которым они десять минут назад насилу расстались.

– Что такое у вас случилось, дорогой вы мой Василий Дмитриевич?

– Может, мой стул нашелся? – не глядя на Олега, спросила Виктория, положила ногу на ногу, достала из крохотной сумочки серебряный портсигар, щелкнула блеснувшей на солнце крышечкой и достала тонкую коричневую пахитоску. Олег оценил и портсигар, и пахитоску.

В трубке молчали, и он повторил удивленно:

– Алло? Что вы там сопите?..

– Может, заедете, Олег Петрович? – вдруг умоляюще сказал старик прямо ему в ухо. – Мне бы... потолковать с вами.

– Да я только от вас! За угол зашел!

– Очень нужно, – почти простонал Василий Дмитриевич. – На пять минут, клянусь честью моего покойного отца, а он был кристальный человек! Просто кристальный!

Олег Петрович даже растерялся немного.

– Я верю в кристальную честность вашего покойного батюшки, но, может быть... до завтра, Василий Дмитриевич? У меня сегодня еще встреча, да и сейчас я не один, если вы помните!..

– Blцdsinn! Чепуха! Она и без вас обойдется, ваша барышня!

– Позвольте, но вы сами просили меня...

– Да, да, просил, ну и что?! Все изменилось! Если вы не приедете, Олег Петрович, я погиб, пропал, уничтожен!

– Хорошо, – сказал Олег довольно холодно. Театральные представления, которые время от времени устраивал Василий Дмитриевич, не доставляли ему удовольствия. – Только не раньше чем через час и не больше чем на три минуты.

– Отлично, – деловым тоном резюмировал старик и пропал из трубки.

– Ну что? Моего стула у него как не было, так и нет?

– Нет, – сказал Олег Петрович, раздумывая над тем, что именно могло понадобиться антиквару, да еще так срочно. – Да, может, и бог с ним, с гамбсом, Виктория! Купите чиппендейл, их кругом полно!

Виктория разобиделась.

– Про Чипа и Дейла смотрит моя сестра, ей девять лет! И вообще, вы обещали больше мне не хамить.

– Не буду, – торопливо, чтоб не хихикнуть невзначай, сказал Олег Петрович. – Ни за что не буду, вы правы. Давайте лучше говорить о вас. Чем вы занимаетесь? Учитесь?

– Учусь.

– В МГИМО?

– Откуда вы знаете?

– Факультет международной журналистики?

– Да откуда вы знаете-то?!

– Что-то подсказало мне, что иначе просто и быть не может!

Виктория недоверчиво посмотрела на него сквозь сигаретный дым.

– Да вам, наверное, сказал кто-нибудь. Или вы меня по телевизору видели. Видели, да?

– А вас показывают по телевизору?

– Ну да, – сказала она совершенно спокойно, – конечно. Нас всех показывают. Есть такая передача – «Светский раут». Наверняка вы видели! И еще на третьем канале молодежный проект, про студентов, меня туда тоже часто приглашают. Ну, признайтесь, видели, да?

Последняя программа, которую Олег Петрович видел по телевизору, была посвящена обзору мировых фондовых рынков и состояла из диаграмм, индексов, стрелок и разноцветных треугольников. В ней не было ни слова о светской жизни и про студентов тоже речь не шла. Тем не менее Олег устался на Викторию – губки коралл, щечки пион, зубы жемчуг, посмотреть есть на что – и как бы вспомнил.

– Вы правы! – заключил он, откинулся на спинку стула и сложил большие руки на полосе, которая проходила поперек его живота. – Точно! Я видел вас по телевизору.

– Ну конечно, – опять спокойно согласилась Виктория. – А вы чем занимаетесь? Оценкой разного старья?

– Да... пожалуй, – согласился Олег Петрович. – Пожалуй, оценкой.

Она красиво затянулась и посмотрела в окно.

– И вам это интересно?

– Было бы неинтересно, я бы не занимался.

– Это вы по своим антикварным делам в Париж летаете?

– Да по разным делам я летаю в Париж, – сказал Олег Петрович, любясь ее профилем, очерченным солнцем.

А что?... Может, поиграем в декаданс? Закрутим студенческий романчик? Но за столиком в любимой кафешке разреши поцеловать тебя в щечку!.. Будем ходить в кино и в клубы – Олег Петрович терпеть не мог клубы и никогда в них не ходил, – пить «Манхэттен», курить коричневые пахитоски, тусоваться с мажорами, слушать странные сентенции модных фотографов, скучные сентенции модных писателей и вовсе невразумительные сентенции модных светских львов и львиц постпубертатного возраста. Мажоры, а также львы и львицы чуть более старшего возраста тусуются в других местах. В других, но очень похожих.

Ну что?... Играем?... Или скучно?

К сорока годам Олег Петрович понял совершенно отчетливо, что скука – это не отсутствие веселья, а полное отсутствие какого бы то ни было смысла.

Как там у нас со смыслом?... Есть или нет? Кажется, вовсе никакого смысла ни в чем этом нету!

– Ужасно не люблю холод, – говорила между тем Виктория, – просто какой-то ужас, а не климат! Ну что нам стоило поселиться где-нибудь на Средиземноморье, а не здесь?

– Нам – это кому? – уточнил Олег Петрович.

– Ну, славянским племенам, кому же еще! – воскликнула хорошо образованная Виктория. – Почему именно здесь, где зима девять месяцев в году?

– Вы вполне можете переселиться на Средиземноморье, а племена покамест останутся на прежнем месте. Раз уж они все равно поселились именно здесь.

– Нет, ну у нас, конечно, есть дом в Ницце, но я же учусь! Хотя мама мне все время твердит, что такие морозы очень вредны для кожи. Она говорит, что от любых морозов можно преждевременно состариться. Она считает, что нужно перевестись в любой университет, в Париж или в Лондон. Или в Рим на худой конец, но мама считает, что там плохое образование.

– А вы что же?

– А я не хочу. Здесь друзья, папа, ну и вообще... интересно. А там скука такая!

– А как же преждевременная старость?

Виктория взглянула на него подозрительно, как давеча в антикварной лавке.

– Смеетесь?

Олег кивнул.

Он все не мог решить, как ему быть с романом. Хорошенькая, молоденькая, губки, глазки, щечки, каблочки – это все плюсы. Мама, папа, МГИМО, куча времени впустую – это минусы.

Хотя что он теряет?..

Она все что-то стрекотала про маму, по Ниццу, про климат, про институт, а он уже совсем не слушал, и время его поджимало – впереди еще впавший в трагический пафос Василий Дмитриевич и гораздо более важная встреча, которую он не мог отменить и на которую не мог опоздать.

Итак, нужно решаться. Ну?..

И он решился.

– А где ваша машина? – перебив ее на полуслове, спросил Олег Петрович.

Она пожала плечами. Она все время пожимала плечами, он заметил.

– А... меня привез папин водитель.

– И бросил здесь одну?! – изумился Олег Петрович. – Практически на произвол судьбы?! А вдруг вас похитят страшные лесные разбойники? Во главе со своей атаманшей?

Она чуть забеспокоилась, и это было видно.

– Какие же тут... лесные разбойники?

– Я вас подвезу.

– Спасибо, не нужно. Я поймаю машину.

Он не стал возражать. Он твердо знал, что, когда она увидит его автомобиль, моментально согласится на все, не только на то, чтобы он ее подвез!..

Как хорошо, что я это понимаю, вдруг подумал он с некоторой иронией в свой адрес.

Мой автомобиль производит на девушек гораздо более сильное и неизгладимое впечатление, чем я сам, и в этом нет ничего ужасного, это не хорошо и не плохо, это просто правила игры, а играть можно по любым правилам, самое главное – их знать!..

Олег помахал рукой официантке, чтобы принесла счет. Та сделала вид, что не заметила. Она вообще на них сердилась, особенно на Викторию – из-за ее шубы, каблучков, щечек и всего остального. Официантка была неопределенного возраста и замученная, поэтому на Викторию сердилась, а Олега презирала – такой взрослый, лысый дяденька, а туда же, за красотками ухлестывает!.. Нет бы дома сидеть и какую-нибудь работу работать! Развелось вас таких, которые в середине дня по кофейням шастают!..

Олег Петрович потащился за счетом самостоятельно, а барышня у него за спиной моментально прошмыгнула в дверцу, на которой была нарисована девочка в юбочке. Она хоть и светская львица, и по телевизору ее показывают, но по малолетству еще не знает, как сбегать в туалет так, чтобы остаться в глазах малознамого мужчины трепетной ромашкой и нежной фиалкой.

Он заплатил, пристроил под куртку свою драгоценную икону, подхватил с вешалки шубку, пахнущую духами и хорошо выделанным мехом, посмотрел в окно на Гену и кивнул.

Гена думал, наверное, секунду, а потом тронул машину и аккуратненько причалил к крыльцу, так что задняя дверь оказалась прямо напротив расчищенных ступеней. Не зря они так много лет проработали вместе!..

Облачив Викторию в меха, Олег опять согнул руку кренделем, и опять она сделала вид, что не заметила, и, чуть опередив ее на ступенях и заранее наслаждаясь, он распахнул перед ней дверь своей машины.

Глаза у нее стали круглыми, и розовый, свеженапомаженный в туалете ротик открылся.

– Может, я вас все-таки подвезу? – осведомился Олег Петрович. – Идти пешком холодно, да и страшные лесные разбойники не дремлют! Во главе со своей атаманшей.

Генин затылок выражал массу эмоций, в основном, конечно, одобрение. Девушка была высокого класса, Гене явно понравилась. Почему-то такие девушки особенно нравятся именно водителям.

Рукой в перчатке Виктория взялась за блестящую черную дверь, сделала неуловимое движение, и оказалась внутри, и изящно подобрала полу шубки, и даже ее нос выражал восторг.

Все правильно. Все правильно, дорогая, так и должно быть.

Олег обошел машину, Гена уже поджидал его с другой стороны у распахнутой двери и снизу вверх вопросительно кивнул головой. Олег чуть заметно приподнял брови.

«Это кто?»

«Пока не знаю. Пока просто барышня».

«А-а. Ну-ну».

– Как называется эта машина? – спросила Виктория, едва лимузин тронулся, и огляделась, словно пришла в картинную галерею. Впрочем, в салоне было на что посмотреть.

– «Мейбах». Хорошая немецкая марка.

– Я знаю, что хорошая, – весело сказала она. – А... откуда у тебя такая машина? На антиквариате хорошо зарабатываешь?

Он отметил и «ты», и веселость тона. Правила игры – великая вещь, особенно когда ты о них хорошо осведомлен.

– Я вообще прилично зарабатываю.

В просторном салоне они сидели совершенно свободно, но Виктория, посмотрев плутовским взглядом, чуть-чуть придвинулась к нему поближе.

Мама будет в восторге! Кавалеров на «Мейбахе» у дочки еще никогда не было. Ну, подумаешь, лысый и одевается как-то странно! Это все мы поправим. Волосы можно нарастить в клинике, теперь все лысые делают себе волосы в разных клиниках. Переодеть тоже можно, и она искоса взглянула на Олега, прикидывая, какая из итальянских марок ему больше всего пойдет. Пожалуй, он был бы вполне хорош в том стиле, в котором одевается знаменитый адвокат Павел Астахов. Вот ведь несправедливость жизни какая!.. Того и переодевать не нужно, и собой хорош во всех отношениях, но... занят. Женат давно и надолго, у них на курсе это даже обсуждали как-то, и все сошлись на том, что развести его с женой не удастся, хоть что ни делай!..

Машина притормозила у знакомой промерзшей двери, Олег вытащил из-под куртки икону и сунул ее в сторону Гениной спины. Икона моментально исчезла, как и не было ее!..

– Я на пять минут зайду к Василию Дмитриевичу, – сказал Олег, натягивая перчатку. – Ты меня подождешь или зайдешь со мной?

– Не хочу я больше видеть этого старьевщика, – объявила Виктория. – Он мне кресло не нашел, хоть и обещал! Я лучше тут посижу, в тепле. У нас такой ужасный климат!..

– Ужасный, – согласился Олег. – Славянские племена совершили роковую ошибку, решив здесь поселиться, тут я с тобой полностью согласен. Гена, ждите меня, я скоро.

– Проводить, Олег Петрович?

Вопрос был задан просто так, потому что его полагалось задать по сценарию. Сценарий следующий: мы производим впечатление на девушку сказочной красоты. Машина в сценарии шла в первой картине, а во второй должна идти вооруженная до зубов личная королевская охрана.

Эх, Олег Петрович, мне бы ваши денежки да ваши возможности, у меня бы такая охрана была, не то что девушка, сам президент бы позавидовал!..

– Провожать не нужно, – сказал Олег Петрович внушительным тоном – все в соответствии со сценарием. – Виктория, не скучай, я скоро вернусь.

И он выбрался на улицу, подышал морозным воздухом – как он любил мороз, ледяной застывший воздух, скрип снега, громкие голоса детворы, катавшейся с горки посреди лысого скверика!.. – и второй раз за сегодняшний день поднялся по хорошо знакомым обледенелым ступеням и толкнул примерзшую дверь.

– Василий Дмитриевич! А Василий Дмитриевич?! Вы где?

Рефлектор пытал в полумраке раскаленным рыльцем, что-то тоненько звенело, как будто кто-то задел хрустальную подвеску на старинном торшере и звон все еще тянется, длится в тишине.

– Василий Дмитриевич! Вы в прятки играете? Выходите, будет вам!

Никто не отзывался, и звук постепенно затих, и Олег вдруг насторожился.

Что-то не так. Что-то явно не так.

– Василий Дмитриевич!

Слабый стон раздался из-за ширмы, и у Олега что-то взорвалось в голове, словно вспыхнула и погасла перегоревшая лампочка. Он еще постоял, а потом осторожно приблизился и заглянул за ширму.

В середине дня с работы вдруг нагрянула мать, а это в его планы никак не входило.

– Федька! – позвала она с порога. – Федь, ты дома, что ли?

Он сделал вид, что не слышит. Ему некогда было разговаривать с матерью.

Некогда и страшно.

– Федька! Ты почему не на работе?! Где ты?

Он сопел, застегивая неудобные «болты» на джинсах.

За дверью зашуршало, потом загремело, по полу знакомо зашаркали подошвы, и дверь распахнулась. Федор все никак не мог застегнуть проклятые штаны.

– Федя! – зачем-то удивилась мать. – Ты дома?!

Он молчал, сопел, застегивал.

– Федь, ты чего? Ты ж с утра на работу ушел! А?!

– Чего пристала, – пробормотал нежный сын себе под нос. «Болты» все никак не давались.

Мать помолчала.

– Да я не пристала, – грустно сказала она. – Просто так спрашиваю.

– А ты не спрашивай. – Он наконец справился с железками и схватил со стула рюкзак. Рюкзак потянул за собой штаны, а за ними потянулось еще что-то, и он с досадой сгреб одежду в огромный ком и швырнул обратно на стул.

Мать проводила ком глазами, хотела что-то сказать, но промолчала.

Федор протиснулся мимо нее в коридорчик – быстрее из дома, и чтоб не отвечать ни на какие вопросы, и не слушать претензий, и не видеть мать с ее жалостливым овечьим взглядом!..

– Фе-едь! Ты хоть полслова-то мне скажи!

– Чего тебе сказать?

– Ты почему не на работе?

– У меня выходной, – соврал он с ходу, и неудачно соврал. В этом вопросе мать была подкована хорошо.

– Да какой у тебя сегодня может быть выходной, когда ты только что два дня отгулял!

Он зашнуровывал ботинки – высокие, неудобные солдатские ботинки, вечно натиравшие косточку на щиколотке и собиравшие гармошкой бумагаейные носки, нелепейшие, истончив-

шиеся на пятке, унижающие его человеческое и мужское достоинство, но никаких других у него не было – ни ботинок, ни носков!..

– Фе-едь!

– Мам, я пошел, короче!..

– Куда пошел? А придешь когда? А?

– Когда, когда!.. Когда надо, тогда и приду!..

Мать еще помолчала.

– Ну, сегодня-то придешь?

Он шуровал на полке, искал завалившуюся шапку – куда без шапки в такой мороз! А на улице, может, придется долго простоять. Может, день целый, откуда он знает!..

– Сыночек, ты мне хоть чего-нибудь скажи! – И тон такой специальный, добрый, чтобы он почувствовал, как виноват перед ней. Перед ней все и всегда были виноваты.

Он ненавидел слово «сыночек» и ее просительный тон, и, кажется, в этот момент мать ненавидел тоже.

Он выпрямился, став сразу почти вдвое выше ее.

– Может, поел бы, Федь? А?

Она умоляла его, будто затягивала обратно в болото, из которого он мечтал вырваться всю жизнь и уже почти вырвался, немножко ему осталось, последнее усилие, самое последнее, малюсенькое усилие, и он будет свободен!..

Свободен, а там посмотрим!.. Может, окажется, что и он чего-то стоит, может, не так-то уж он плох и никчем и из него будет толк!..

Про толк ему Светка сказала. Он бы сам не догадался.

– Не будет из тебя никакого толку, – сказала она и зевнула, потом подумала и натянула на голое молочное плечо капроновые кружевца халатика, который она гордо называла почему-то «кардиган». Не знала, бедная, что это называется пеньюар, а Федор знал, но поправлять ее не решался. – И мама говорит, что толку не будет, и денег тоже, и ничего никогда у нас с тобой не будет.

Он тогда перепугался и заверещал, что все будет, будет, будет, но Светка слушать не стала, поднялась с дивана, с неаппетитных, скомканных, серых от многочисленных стирок простыней, ушла на кухню и стала там курить. Наверное, форточку открыла, потому что оттуда сразу потянуло пронзительным холодом и свежим сигаретным дымом.

И у него в мозгу именно так все и сложилось: нет никакого толку – это когда застиранные простыни, подмерзающие на крашеном полу босые ноги, морозный воздух с кухни и запах сигаретного дыма!..

Федор наконец нашел шапку, нахлобучил ее и поплотнее пристроил к ушам, чтоб не поморозить. Видела бы его сейчас Светка!..

– Короче, я пошел, мам!..

– Феденька, ну, придешь сегодня?..

– Не знаю! – заорал он. Специально так заорал, чтобы разозлиться на нее, чтобы не жалеть, ничего не чувствовать к ней – она не заслуживала его чувств.

Мать даже отшатнулась и пробормотала:

– Не кричи, не кричи...

– Да чего там – не кричи! Что ты все пристаешь ко мне?! Что ты лезешь?! Свою жизнь загубила – и мою хочешь загубить?! А я не хочу, понимаешь?! Я нормальный мужик, я жить хочу, как все нормальные люди живут!

– Да кто ж тебе не дает, сынок? – испуганно тараща овечьи глаза, спросила мать, и он взвился, чуть ногами не затопал:

– Да ты мне не даешь! Все лезешь, все пристаешь, контролируешь – куда пошел, да с кем пошел, да зачем пошел!! Какое твое собачье дело, куда я пошел и с кем?!

Мать заплакала. Из глаз вдруг ручьем полились слезы, прозрачные, как у маленькой девочки, у которой отобрали мячик.

– Федя, да я же ничего... ничего не хотела... я просто...

– Чего просто! – проорал он, ненавидя себя. – Просто! Не была б ты такая дура, жили бы мы как люди, а ты дура!.. Вот и сиди в дерьме, а я не хочу, не хочу!.. А еще все про Париж мне толкуешь!

– Федя, я же... я... тебя одна растила, и трудно было, и болел ты, и свинка у тебя была... А Париж... это я просто так...

– Просто так, – повторил он с отвращением. – Все, дай мне пройти. Я опаздываю уже!

– Куда ты опаздываешь?

– Куда, куда! На кудыкину гору!

Он поддал ногой стул, так что от него отвалилось сиденье, вытертое до такой степени, что из засаленной и прорванной ткани в разные стороны торчали нитки и грязный поролон, кинулся к двери, кое-как отпер и выскочил на площадку, где было холодно и гулял сквозняк.

На площадке обреталась бабуся Ващенко с пятого этажа, наверняка подслушивала. У ног ее стояла нейлоновая сумища в странных выпуклостях – за картошкой, что ли, ходила? – и терся облезлый длинный черный кот.

Дверь в квартиру с грохотом захлопнулась.

– Здравсти, – рывкнул Федор на бабуся и, тяжело топая, ринулся вниз.

– И тебе не хворать! – бодро проорала в ответ бабуся. – Все с матерью лаисся?! Все жисти ее учишь?!

– А вам-то что?! – Это он крикнул, не сбавляя ходу, уже с площадки.

– А мне-то ниче! Только вот помрет мать, будешь знать тогда! Сведешь ты ее в могилу и останешься один-одинешенек!

Получалось, что он кругом виноват – перед Светкой виноват в том, что от него нет никакого толку, и перед мамой виноват!.. Только, если б не бабуся Ващенко, ему бы никогда и в голову не пришло, что она на самом деле может... умереть. Вот просто взять и умереть, и он тогда останется один!

Впрочем, он ничего в жизни так не хотел, как чтобы его оставили одного!.. Одного и в покое!

Он бабахнул подъездной дверкой из тонкой фанерки, под которую лезли широкие языки снега, на миг ослеп от солнца, поскользнулся и со всего маху шлепнулся на задницу посреди раскатанной пацанами ледяной дорожки.

Да что за день такой сегодня!..

– Дядь, шапку не потеряй!..

– Смотри, как брякнулся, копыта в разные стороны!

– Бежим, Тимон, а то он нам щас ка-ак навалает!

– Навалаяю, – пообещал Федор и стал, кряхтя на манер бабуся с пятого этажа, подниматься на ноги. Поднимался он неловко, задницей вверх, и перчатка отлетела далеко в снег, и проклятая шапка съехала на глаза, закрыла весь белый свет!

Морщась от боли в спине и в пятой точке, он кое-как добыл свою перчатку, уронив шапку в снег, и замахнулся на пацанов, которые все скалились неподалеку.

Они даже не стали делать вид, что испугались.

– Па-адумаешь, – задумчиво сказал самый здоровый и, должно быть, храбрый, – чего вы обоссались-то? Чего он вам сделает? А сделает, так ему Витек даст!.. Ты, банан облезлый!.. Шапку свою подбери, чтоб она тута не отсвечивала!

Даже пацанье подъездное его не уважало и нисколько не боялось!

У него было два дела, и оба ему не нравились, и из-за них он нервничал так, что наорал на мать и она заплакала, а он так жалел ее, когда она ни с того ни с сего принималась плакать!..

Впрочем, ему нужно только одно – чтобы его оставили в покое, и точка!..

Первое дело, трудное, почти невыполнимое, тяготило его значительно больше, чем второе, тоже трудное, но какое-то веселое и как будто ненастоящее, словно он и не должен его делать, а просто посмотреть про него кино. И хотя непонятно еще, хорошее кино или плохое и чем оно закончится, но это просто кино, и больше ничего!

Начать придется с первого, трудного и невыполнимого, да он и не мог приняться за второе, пока не разделается с первым!

Федор Башилов надел шапку, вбил пальцы в мокрую и холодную перчатку, подтянул на плечо рюкзак и под гогот пацанов, которые совсем разошлись и теперь выкрикивали ему в спину что-то уж вовсе непристойное и оскорбительное, зашагал к остановке.

Морозный ветер налегал, заставлял ежиться, и кожа на лице становилась будто картонной. Куртчонка у него была так себе, не то чтоб не по сезону, вроде даже на меху, но на рыбьем. Мать всерьез называла этот мех «искусственный кролик», а Федору всегда было стыдно – мало того, что кролик, так еще искусственный!..

Троллейбус пришел не сразу, и Федор к тому времени совершенно окоченел. Стуча зубами, он полез в теплое и влажное с мороза нутро, где покачивались немногочисленные пассажиры, похожие в своих дубленках и шубах на тюленей и котиков, какими маленький Федор видел их в зоопарке. Он залез, уцепился за поручень и огляделся, прикидывая, есть ли на линии контролер, или, может, обойдется. Хорошо бы обошлось. Платить ему не хотелось.

В зоопарк его тогда отец водил. На табличке было написано «Тюлени и морские котики», и Федор все тянул и тянул отца за руку в ту сторону, куда показывала стрелка на табличке, а когда они пришли к огромному, огороженному высокой решеткой бассейну, наполненному мутной водой, в которой плавали куски булки, фантики от конфет и какие-то ветки и палки, Федор был страшно разочарован. Он ожидал, что морские котики похожи на настоящих котов, только... как бы это выразиться... ну, просто как будто обыкновенные коты, только здоровые и плавают, а на лапах у них... ласты. А тут какие-то непонятные туши выползают на камень из грязной воды!.. Он даже и не разобрал толком, кто из них котики, а кто тюлени. И те и другие были противные, мокрые, и щетинистые морды у них ничего не выражали, кроме равнодушия и усталого презрения к людям, которые толклись вдоль решетки и все швыряли им разную еду вроде кусков хлеба и конфет, но они это не ели.

Ужасно. От горя он тогда даже стал сопеть носом и всхлипывать, а отец сердился – в кои-то веки повел ребенка в зоопарк, а тот недоволен, вон глаза на мокром месте!..

Впрочем, они никогда не понимали друг друга, и Федор привык думать, что мать виновата в том, что они друг друга не понимают.

Вскоре после того, как они смотрели моржей и котиков, отец ушел от них – Федору тогда было шесть лет, но он почему-то запомнил, как тот уходил. Он почти ничего не помнил из детства, только зоопарк, и вот как отец уходил – запомнил.

Накануне вечером родители сидели на диване, и у них были странные лица – не тревожные, а грозные, и шестилетний Федор очень боялся, что разразится скандал. Он ненавидел скандалы, а родители скандалили то и дело. Из-за пустяка, ерунды, самой распоследней малой малости они начинали орать друг на друга, а Федор метался между ними, поскуливал, искалительно заглядывал в глаза, просил молока, или воды, или поесть, или тянул за руку в свою комнату, где нужно срочно приделать Буратино оторванную голову или почитать то место из книжки, где Кролик хотел избавиться от Тигры, а сам заблудился, а Тигра выскочил и всех спас! Это было самое любимое место в книжке – где Тигра всех спас, и маленький Федор все время представлял, что это он заблудился в лесу вместе с мамой, а папа выскочил и их спас! И они все тогда стали обниматься, целоваться и поняли, как любят друг друга!

Федор очень сильно любил их обоих и, когда они ссорились, так боялся, что до крови обкусывал ногти на руках, и мать потом водила его к врачу, который назывался очень трудно и

непонятно, и врач, поглядывая на Федора, говорил матери, что он – «очень нервный мальчик». Федор не знал, хорошо это или плохо, но на всякий случай пугался и начинал скулить, и мать в сердцах вытирала ему слезы носовым платком, у которого был жесткий, противный кружевной край.

А в тот вечер они не ссорились. По крайней мере, Федор из своей комнаты, в которую его усадили, ничего не слышал, хотя только делал вид, что играет, а на самом деле не играл, а, весь напрягшись, слушал, что происходит в большой комнате.

Он сидел на полу, вытянувшись в струнку и прислушиваясь изо всех сил, и бессмысленно складывал из конструктора нелепейшую башню такой высоты, что она постепенно все кренилась и кренилась набок. И точно знал, что, как только он положит еще одну, последнюю деталь, башня обрушится со страшным грохотом, обломки разлетятся по всей комнате, и нужно будет лезть под кровать и подползать на животе в самый дальний и темный угол, где всегда было пыльно и про который он придумал, что там живет страшный паук. И он уже заранее боялся этого паука и со сладким ужасом ждал, что башня рухнет и нужно будет ползти.

Потом мать громко сказала:

– Прекрати шуметь!

Голос у нее дрожал.

А отец сказал:

– Хоть к нему-то не вяжись! – подошел и плотно прикрыл дверь.

Тогда шестилетний Федор бросил свою башню и лег на бок у закрытой двери, чтобы не пропустить скандал, вовремя выскочить, если понадобится.

Тот самый непонятный врач, который назывался длинным и трудным словом, часто говорил матери, что ее сын «не по годам серьезен», и, лежа под дверью, Федор вдруг вспомнил это выражение и некоторое время думал о том, что значит «не по годам». Как это – не по годам? По годам ему шесть, он знал это точно, скоро будет семь, и он тогда в школу пойдет. Тут он стал думать, что бы ему хотелось на день рождения, и придумал, что ему хочется красную пожарную машину с лестницей. Только непременно с лестницей. Нужно об этом сказать отцу, потому что машины – Федор это знал – дело мужское.

За дверью что-то говорили, довольно тихо, и, устав бояться и прислушиваться, он лег щекой на руку и стал изучать свою комнату из этого неудобного положения. Комната казалась странной и по-другому устроенной. Вон шкаф, там на нижней полке лежат его пожитки, а все остальные полки заняты плоскими белыми штуками. Штуки сложены аккуратными стопками. Время от времени мать достает из шкафа такую штуку, взмахивает ею, и она превращается в пододеяльник или простыню. Вон столик и стульчик, за ними он должен играть. Отец всегда говорит, что у человека должно быть место, чтобы играть, как будто можно играть за столом!.. Как там играть-то? Даже к паровозу вагоны не прицепить. Паровоз на столе помещается, а вагоны уже нет!.. Вон медведь на кровати, его бабушка подарила, отличный такой медведь, с кофейной мягкой шерстью и коричневым носом. Медведя Федор обожал и звал его Мишей.

Так он лежал, размышлял, удивлялся и совершенно отвлекся от того, что происходило за дверью, и вдруг вбежала мать. Она так резко распахнула дверь, что ударила его, но Федор от удивления даже не захныкал. Мать больно схватила его под мышки, подняла, как будто он был тяжелой сумкой, и стала трясти им перед отцом. У Федора с ноги даже сандалик свалился, и колготки съехали и болтались.

– Ты бы хоть его пожалел! – говорила мать и трясла Федором. – На меня наплевать, а он как же?!

Она не кричала, и Федор решил, что ничего страшного не происходит, можно не бояться, и не боялся.

Отец сидел отвернувшись, на него и на мать не смотрел.

А потом посмотрел с отвращением.

– Не так, а эдак хочешь меня достать, – сказал он, но тоже негромко. – Нашла чем меня останавливать, идиотка! Да я его знать не хочу! Весь в тебя... урод!

Это Федор потом понял, что отец про него сказал «урод», уже когда был большой, а раньше никак не понимал. Он только знал, что «урод» – плохое слово и бабушка его говорить не велит.

– Папа, – сказал шестилетний Федор и стал болтать ногой, чтобы скинуть и второй сандалик тоже, – бабушка говорит, что про людей нельзя говорить, что они уроды. Ты про кого так сказал?

– Убери его, – попросил отец ласково. – Убери его сейчас же, или я за себя не отвечаю!

Федор тогда тоже не знал, как можно отвечать или не отвечать за себя, и собрался было даже спросить, но не успел. Мать прижала его к себе крепко-крепко, так что ему стало неудобно, хотя он любил с ней обниматься и обнимался всегда от души, с чувством, подолгу, и потащила обратно в комнату.

Тут он вдруг заподозрил неладное и встревожился. Ему показалось, что мать вот-вот заплачет, а для него не было худшего горя, чем ее слезы.

– Мам, ты чего? – спросил он испуганно и посмотрел ей в лицо. – Ты чего, а?

– Ничего, ничего, сыночек. Все хорошо, – сказала мать, и он понял, что не зря заподозрил – у нее был странный, насморочный голос и нос покраснел. Может, простудилась? Федор не любил простуживаться. Бабушка натирала его скипидаром и ставила горчичники, которые жгли.

– Мам... я макарон хочу!

– Сейчас, сейчас будем ужинать. Скоро.

– Ну, я пошел, – объявил с порога отец. – До свидания. Вещи мои завтра соберешь, я заеду.

Мать вцепилась в Федора так, что он взвизгнул:

– Больно!

– Прости меня, сыночек.

Держась очень прямо и не выпуская плечика Федора, за которое она ухватилась, мать повернулась, и Федор вынужден был повернуться вместе с ней.

– Мам, пусти!.. И я макарон хочу.

– Почему прямо сейчас? – спросила мать ужасным, не своим, мертвым голосом. – Зачем сейчас? Что за спешка? Может быть, утром поедешь?

– Да какая разница, утром, не утром, – устало ответил отец. – Самое главное, мы все решили.

– Решили? – переспросила мать.

– И не начинай! – Отец повысил голос, и Федор окончательно перепугался. Выходит, скандал все-таки будет, а он не успел, не сообразил, не отвел беду заранее!

– Мама, – заскулил он в надежде отвлечь ее, – я макарон хочу!.. Или каши! Каши даже еще лучше!

Он не любил кашу, но знал, что мать всегда была довольна, когда он ее ел. Каша считалась «полезнее» макарон.

– Ну и уходи, – выговорила мать. – Давай, мчись, вдруг опоздаешь! Или тебе там по шее дадут, если вовремя не примчишься? Давай-давай, мы и без тебя справимся! – И она опять больно подхватила Федора под мышки и прижала к себе. – Правда, миленький? Правда, мой хороший? Никто нам не нужен, мы сами, сами!..

Вот этого подросший Федор и не мог ей простить – того, что они «сами»!.. Он помнил это очень отчетливо всю жизнь и, когда подрос, стал помнить даже острее, чем в детстве.

Отец ушел не за хлебом и не к бабушке поехал, он ушел навсегда, вот что означало их сидение на диване с грозными напряженными лицами. Он ушел и как-то очень быстро про них забыл – и про мать, и про Федора.

Несколько раз он приезжал, и Федор тогда все еще до конца не понимал и каждый раз удивлялся, почему отец забирает его на улицу и они торчат там так долго. На улице, на продуваемом со всех сторон унылом пространстве московского двора, было скользко и неудобно. Они слонялись возле гнутых ржавых железок, которые когда-то давно были каруселькой и лестничкой – в этих карусельках и лестничках выражалось «благоустройство московских новостроек».

Все время была зима, из своих немногочисленных встреч с отцом Федор Башилов помнил почему-то только зиму, или отец больше никогда и не приезжал?..

Они слонялись, и Федор даже пытался лазать по гнутым железкам – так он себя развлекал – и катался с деревянной облезлой горки, только кататься было неудобно. В волосатые рейтузы моментально забивался снег и смерзался в ледяную корку, шапка съезжала на глаза, и узкое пальто мешало ужасно. Отец смотрел на него с отвращением, а может, это Федор потом придумал, что с отвращением!.. После он приводил сына домой, где всегда пахло одинаково – щами и стиральным порошком. По выходным мать стирала и варила огромную кастрюлю щей, чтобы хватило на неделю. В будни готовить ей было некогда. После того как отец ушел, она устроилась еще на какую-то дополнительную работу, и Федор за это на нее очень сердился – она совсем перестала бывать дома, и книжку про Тигру они больше не читали. Она теперь приходила поздно, садилась на кухне прямо в сапогах и дурацкой вязаной беретке, которая очень ее портила, закрывала глаза и сидела так подолгу, Федору казалось, что несколько часов. С сапог натекала небольшая грязная лужица, и Федор, сопя, тащил из ванной огромную жесткую тряпку и сосредоточенно ползал по полу вокруг ее ног, подтирал лужицу.

Иногда она открывала глаза, улыбалась и говорила ему, что он ее «помощник».

– Никто нам не помогает, – говорила она тогда, – ну и ладно. Мы сами справимся, правда, Феденька, сыночек?..

Он соглашался, пока был маленький, а потом перестал соглашаться.

Она никогда не плакала, наверное, чтобы не пугать его, и заплакала только один раз.

Ему было уже лет двенадцать, и он уже ненавидел жизнь, которой они живут. Ненавидел крохотную квартирку, где был слышен каждый звук, ненавидел двор, нищету и запах щей и стирального порошка. И постоянную усталость, в которой жила мать, он тоже почти ненавидел и все вечера проводил у телевизора, где показывали совсем другую планету: дорогие машины, красивые женщины, романтика и фейерверк развеселой бандитской жизни – вот что было тогда в телевизоре!

Мать однажды пришла с работы и, как обычно, сидела на кухне, закрыв глаза, а в телевизоре очень красивый комментатор значительно говорил что-то про Париж, про коллекцию картин, про культурные связи и все в таком духе.

Мать вдруг разлепила веки, тяжело поднялась и зашла в комнату, где Федор неотрывно смотрел в экран.

– Сапоги бы хоть сняла, – пробурчал он.

Он уже не ползал с тряпкой вокруг ее ног и не старался навести чистоту, ему тогда уже почти на все было наплевать.

– Я там была, – вдруг сказала мать.

– Где? – не понял Федор.

– В Париже, – и головой она показала на экран.

– Когда? – поразился Федор.

– Еще в институте. Тогда это называлось по обмену. Я же учила французский язык, и меня на практику послали в Сорбонну. Я прожила там сорок восемь дней.

Федор перевел взгляд на экран, где уже рассказывали о чем-то другом, и пожал плечами.

Его мать не могла иметь никакого отношения к той жизни, которую показывали по телевизору. Не могла, и все тут!

Она вдруг сорвала с головы беретку, прижала ее к груди и одной рукой стала неловко стаскивать сапоги.

– Сейчас, сейчас, – бормотала она, – сейчас я тебе покажу!.. Как же я про них забыла!..

Прямо в пальто, с береткой в руке, которая ей мешала, она проворно протиснулась к серванту, стала на колени, раскопала в вазе, заваленной телефонными счетами и какими-то желтыми от времени и пыли квитанциями, потайной ключик от нижнего отделения, распахнула дверцу и стала вываливать что-то на пол.

Федор знал, что нижнее отделение серванта всегда заперто, и знал, где лежит ключик, и не раз туда заглядывал, но там не было ничего интересного – какие-то бумаги в картонных папках с белыми тесемками, альбомы с черно-белыми фотографиями стариков и старух с неулыбающимися застывшими лицами, корочки дипломов, всякая дребедень.

Возле серванта выросла целая куча бумаг, и Федор, заинтересовавшись, слез с дивана, подошел и стал на колени рядом.

– Сейчас, сейчас, сынок, – говорила мать, и глаза у нее сияли, и прядь вывалилась из пучка. – Я тебе покажу!

– Что покажешь, мам?..

Из самого дальнего угла она вытащила маленький альбомчик с выпуклой розой на бархатной крышке. Берет все еще был у нее в руке, и она нетерпеливо сунула его в карман.

– Вот смотри.

Бережно, как нечто драгоценное и хрупкое, мать открыла альбом, и Федор с любопытством в него заглянул.

Там не было стариков и старух с чопорными черно-белыми лицами. Там был какой-то цветной сказочный город, слегка выцветший и поблекший и, может быть, именно поэтому показавшийся Федору таким настоящим. Он был жемчужно-серый, бесконечный и в то же время уютный. По этому городу бродила девушка. Она рассматривала витрины, болтала ногой на мосту, пила кофе из маленькой белой нерусской чашечки и даже ехала на мотоцикле, короткие волосы развевались, и щеки горели!..

Федору девушка понравилась, и он спросил, кто это.

– Дурачок! – сказала мать и засмеялась. – Это же я!

Он не поверил.

Вот эта девушка на мотоцикле не может быть его матерью! Что бы ни случилось с ней потом, та девушка никак, ну уж точно никак не могла превратиться в его мать, с ее вечно усталым лицом и потухшим взглядом!..

– Да точно тебе говорю! Мне здесь... сколько же? Да, девятнадцать лет, – весело сказала мать. – Слушай, неужели я так изменилась, а?

Он пожал плечами. Он не знал, что ответить. Почему-то эти фотографии вдруг показались ему оскорбительными. И даже мысль о том, что та девушка – его мать, показалась оскорбительной тоже.

Мать рассматривала себя, и лицо у нее было светлым.

– Через год ты родился. Я вернулась, вышла замуж и...

Он молчал.

Рукой в цыпках, с ногтями, остриженными почти до мяса, она погладила фотографию, словно приласкала.

– Погода тогда была замечательная! И свитер я себе там купила, вот этот самый, я даже помню, сколько он стоил. Двадцать франков, а это ерунда. И он мне так нравился! И мне очень хотелось его поносить, и как раз похолодало, и я все время его носила!

Федор помнил этот свитер. Собственно, он все еще был в употреблении – немного вытянутый и протершийся на локтях, старательно подлатанный, он лежал в гардеробе в его комнате, и мать надевала его, когда ей приходила фантазия покататься в выходной на лыжах. Она любила всякие глупые увеселения вроде катания зимой на лыжах или похода летом по грибы!..

– А это Монмартр, холм в центре Парижа, мы туда пешком шли, к самому собору! Вот видишь, собор. Оттуда такой вид! И я еле-еле дошла. У меня туфли были неудобные, и я ноги стерла. А это мы на пикнике. Нас было-то всего трое русских, а все остальные – французы с нашего курса. Вот с этим мы... дружили. Его звали Лоран, а друзья звали его Лоло, и это было... так... смешно. Видишь, какой здоровенный? И Лоло!..

Она еще посмотрела на фотографию, вдруг закрыла альбом и заплакала.

Федор тогда все еще пугался и не любил ее слез. Он сунулся к ней, разметая коленками папки с тесемками и старухами, обнял ее и прижал к себе. От нее пахло нафталином – она работала в фондах Музея изобразительных искусств, и от нее всегда так пахло.

– Мапочка, – говорил Федор и гладил ее по голове, – ты чего это, а? Ты не плачь, мапочка!

– Я не плачу, – отвечала мать, и ее слезы, горячие, крупные, девчоночьи, падали ему на руки, – я совсем не плачу, что ты, сынок! Просто я так давно об этом не вспоминала и даже думала, что совсем забыла, а тут... видишь как...

Он все обнимал ее и даже сам чуть не заплакал, так ему было жалко ее и так он ее любил, и тут она вдруг отстранилась, взяла его за уши и посмотрела ему в лицо. У нее были заплаканные глаза, очень серьезные.

– Федя, – попросила она. – Ты... свози меня когда-нибудь в Париж, а? Свозишь? Ну, пообещай мне!

Он пообещал, он готов был пообещать ей все, что угодно, и с тех пор у них так повелось – иногда, редко, когда все было хорошо и они не ссорились и даже любили друг друга, она говорила ему:

– Помнишь, ты обещал отвезти меня в Париж?

Он соглашался и отвечал, что помнит, и тогда она спрашивала:

– Отвезешь?

Он обещал отвезти, а потом они перестали играть в эту игру.

Федор как будто совсем разлюбил мать.

Разлюбил, когда понял, что именно она, мать, и никто другой, испортила и изломала ему всю жизнь. Навсегда.

Отец никогда не приезжал, и мать время от времени непонятно говорила, что им не нужны его деньги, и Федор ее почти не слушал. Для него деньгами считалось то, что мать приносит в день зарплаты и долго, мучительно пытается распределить так, чтобы хватило до следующей зарплаты, и по подсчетам всегда получалось, что хватит, а на самом деле никогда не хватало, и приходилось занимать у бабушки, и ехать на другой конец Москвы, и выслушивать ее нотации, а потом тащиться обратно и знать: то, что лежит у тебя в кармане, – последнее, больше помощи ждать неоткуда.

А потом Федор поступил в институт, и не просто в какой-нибудь, а в самый что ни на есть престижный, в Историко-архивный! Мать ходила к директору музея, и директор, кажется, хлопотал о том, чтобы Федора приняли, хотя он получил всего лишь одну четверку, по истории, и набрал вожделенный проходной балл! Впрочем, если бы не директор, может быть, и не приняли бы, и директора следовало «отблагодарить», но как благодарить – ни Федор, ни мать понятия не имели.

И тогда она позвонила отцу.

Федор ничего об этом не знал, слышал только, что она несколько раз звонила куда-то и говорила сначала специальным холодным голосом, а потом умоляющим, а потом плачущим.

Федор не хотел слушать ее причитаний, нарочно не хотел, потому что в тот момент чувствовал себя победителем жизни, а плачущий голос матери с этим чувством никак не вязался.

Он победил. Он поступил. Поступил в такой престижный вуз, и теперь, конечно же, вся его жизнь изменится навсегда! Он будет хорошо учиться, он найдет достойную работу, сделает сумасшедшую карьеру, и все у него будет, как у тех самых людей из телевизора, которые не давали ему покоя.

Должно быть, отцу быстро надоели приставания матери, потому что в один прекрасный день он вдруг приехал.

Он не приезжал лет десять или даже больше, а тут вдруг приехал.

Федор был дома и открыл ему дверь – и ничего не понял. Отец почти не изменился, сын запомнил его именно таким – высоченным, широкоплечим, поджарым, с отросшими, очень темными волосами.

– Привет, – поздоровался отец, странно морщась. – Мать дома?

Федор кивнул.

– Дай пройти-то, – помолчав, сказал отец. – Мне, знаешь ли, некогда.

Федор сообразил, что стоит в дверях, и торопливо посторонился, пропуская отца. Тот вошел в узкую прихожую, остановился, взглянул на Федора и усмехнулся:

– Мать дома, я спрашиваю? Или ты немой?

– А... дома. Проходи...те.

– Ну, позови ее! – приказал отец.

Какой-то человек в кожаной куртке и с витым проводком за ухом остался на лестничной площадке и теперь заглядывал в квартиру. Лицо у него было точно такое же, как у отца, – насмешливое и брезгливое.

Федор кинулся в комнату, уронил на пол что-то сильно загрохотавшее и заорал очень громко:

– Мама!

– А?

– Мам, пойдی сюда! К тебе... пришли!

– Кто?

– Мама!!

Она выскочила из кухни, увидела в прихожей отца и стала сдирать фартук – не слишком чистый, в неаппетитных пятнах. У Федора покраснели скулы и стало жарко зашивку – от стыда.

– Привет, – сказал отец и велел Федору закрыть дверь на площадку.

Протискиваясь мимо него – тот стоял неподвижно, – Федор почувствовал, как отец пахнет – чем-то дорогим и очень свежим.

На площадке стоял второй, со шнуром за ухом.

Федор понятия не имел, кто это может быть.

– Вы... не зайдете? – спросил он вежливо и по лицу того понял, что спросил глупость.

Он осторожно прикрыл дверь и ринулся в комнату, где происходило нечто невиданное.

– Я привез тебе денег, – заявил отец, не вынимая рук из карманов. – Только это первый и последний раз. Ты поняла?

Мать кивнула. Лицо у нее дрожало.

– И не звони мне больше, не приставай. Ты поняла?

Мать еще раз кивнула.

– Денег я больше не дам, а разговаривать нам с тобой не о чем. Согласна?

Мать кивнула снова.

Отец вынул из кармана длинный белый конверт, но матери не дал, а швырнул его на стол, так что конверт проехал по полированной поверхности и свалился на пол. Федор подхватил –

конверт был плотный и довольно увесистый. Должно быть, там было немало. Федор осторожно положил его на стол.

– Значит, в институт поступил, – глядя только на мать, продолжал отец. – Ну, это неплохо, наверное. Отделение платное?

Мать отрицательно качнула головой.

– Ну, тогда это все мартышкин труд. – Он всем телом повернулся и взглянул на Федора. – Тебе не учиться, тебе работать давно пора. Ты же мужик здоровый!..

Федор сглотнул.

– А где же мне... работать? Без образования никуда не возьмут.

Отец снова перевел взгляд на мать.

– Узнаю, – сказал он весело, – узнаю старые песни о главном! Воспитала в своем духе, значит?

Мать насупилась. Пучок волос у нее на голове мелко затрясся.

– Значит, больше ко мне не приставай, ничего не дам, – заключил отец. – А ты бы поработал немного, парень! Глядишь, чего бы и заработал!

Он повернулся на каблуках, вышел в прихожую, и входная дверь громко захлопнулась за ним.

Федор вопросительно посмотрел на мать. Она закрыла лицо руками.

Он сейчас уедет, вдруг подумал Федор. Он уедет, и я больше не увижу его *никогда*. Он же велел ему не звонить! Сердце тяжело стукнуло и пустилось в галоп.

Федор Башилов подхватил с вешалки свою куртку, сунул ноги в разбитые кроссовки и ринулся вниз.

– Подождите! – крикнул он в пролет, но, видимо, опоздал.

Сейчас он уедет, уедет навсегда, этот странный чужой, родной человек, и я больше не увижу его, и ни о чем не успею спросить, и ничего не смогу ему сказать, и он ничего обо мне не узнает, а мне так хочется, чтобы узнал!

Федор выскочил на улицу, скатился с залитого весенней каплей крыльца и налетел прямо на громадные черные машины, которые, урча моторами, стояли, перегородив все подходы, и какая-то перепуганная бабка с девчонкой на буксире лезла через подтаивающий сугроб, пытаясь прорваться к подъезду.

В одну из черных садился его отец.

– Подождите!.. – Федор хотел крикнуть, но не осмелился, перетрусив перед машинами, и как-то жалобно, хрипло попросил еще раз: – Подождите!..

– Это ты мне? – осведомился отец негромко. – Что тебе нужно?

Федору решительно нечего было ответить на этот вопрос. Да и как на него ответишь?..

– Я это... – и он шмыгнул носом, – я ничего. Я просто... так.

– Как – так? – переспросил отец.

Тот самый человек, с витым шнуром за ухом, стоял одной ногой на подножке второй машины и переводил взгляд с отца на сына.

– Я... просто поговорить... хотел. – Тут Федор окончательно понял, что затея его глупа, и, махнув рукой, повернулся, чтобы идти в подъезд.

– Подожди, – остановил его отец. – Иди сюда.

Федор помедлил и подошел.

– Садись, – решившись на что-то, велел отец. – Только побыстрее!..

Оскальзываясь и чуть не падая, Федор Башилов обежал машину, и еще какой-то, третий или пятый, человек открыл перед ним другую заднюю дверь. Он ввалился в салон как-то очень неловко, головой вперед, и машина сразу же рванула с места.

– Ну? – спросил отец где-то над ним. – И о чем ты хотел со мной говорить?

Федор сел прямее, кое-как пристроил ноги и боязливо огляделся.

В салоне было просторно и чисто, как в небольшой ухоженной комнате. Отец сидел свободно, раскинувшись на диване, и полы его пальто показались Федору мантией Воланда. Крепкий затылок водителя ничего не выражал. За тонированными стеклами летело серое весеннее московское небо.

– Твоя мать просила у меня денег, – сказал отец жестко, – и я ей дал. Больше ни на что не рассчитывайте.

– Да мы и... то есть я... я и не рассчитываю.

Кажется, отец немного смягчился.

– Как это тебя угораздило поступить в такой бабский институт?

– В какой? – не понял Федор.

– В бабский, – повторил отец охотно и фыркнул. – Историко-архивный! Старики учат баб копать в пыли, всех и делов! И тебя туда же понесло! Вот мамкино влияние-то!

– Мне... нравится история.

– Да ладно! – сказал отец и махнул рукой в перчатке. – Нравится ему! А мне, может, география нравится! И чего?

– Что? – не понял Федор.

– Самое главное в жизни – деньги, – сказал отец совершенно серьезно. – За деньги можно купить все: историю, географию, образование, баб, детей! Да все, что хочешь! Ты не умеешь зарабатывать или мамка не велит?

Федор молчал, насупившись. Он никогда не называл мать «мамкой», и крепкий затылок водителя очень его смущал. Как-то не так они говорили с отцом и не о том!..

Это уже потом, осмыслив, он понял, что они говорили все правильно и только об этом – о деньгах! – и имело смысл говорить, и что отец прав, тысячу, миллион раз прав!

Все в жизни упирается только в деньги, и точка. Все построено и замешено только на них.

– Да, – сказал отец, помолчав. – Не моя порода.

– Я не собака, – пробормотал уязвленный Федор, – и нет у меня породы.

– Да какая из тебя собака! – согласился отец. – Вот у меня собака, породы зенненхунд, слышал? Вот это собака так собака, пять тысяч зеленых на выставке за нее отвалил! А ты? За тебя и пяти баксов никто не даст!

И тут он рассмеялся.

Федор смотрел на него во все глаза. У отца были молодые белые зубы и гладкая загорелая кожа на лице, и вообще он казался совсем молодым человеком. Разве он мог быть женат на его матери, которая всегда выглядела как старуха, и одевалась как старуха, и вела себя как старуха?! Конечно, нет! Это какая-то ошибка.

– Что смотришь? – спросил отец, перестав смеяться. – Осуждаешь, что ли? Зря. Оправдываться перед тобой я не буду и объяснять тебе ничего не стану. Да ты и сам, лоб здоровый, все понимаешь!

– Что... понимаю?

– Как живет твоя мать, а как я!.. Две большие разницы. Я так жить никогда не хотел, так что все справедливо. Каждый получает по заслугам.

Федор хотел было возразить, что мать ничего этого не заслужила – ни отчаяния, ни одиночества, ни скучной однообразной работы за гроши, – но промолчал. Отцу вряд ли пришлось бы по вкусу его возражения, а Федору неудержимо хотелось нравиться ему.

Наверное, это было подло, но за мать он не заступился.

Мать была несчастной и слабой, а он вдруг почувствовал, как выгодно быть на стороне сильного!..

– Впрочем, она всегда знала, что связывает мне руки, и все-таки держала на коротком поводке! А я не могу быть на поводке! Не могу и не хочу! И оправдываться не хочу!

Федору тогда не пришло в голову, что отец именно оправдывается, он лишь удивился, что мать «держала его на поводке»! Мать, которую даже кот Василий не ставил ни в грош и решительно не желал ее слушаться!..

– Так что я тебе ничем не могу помочь, – заключил отец неожиданно. – Денег не дам, не проси.

– Да я и не прошу, – пробормотал Федор.

– Делать ты ничего не умеешь. Машину водишь?

Федор сказал, что нет, не водит.

– Ну, вот видишь! Даже водилой тебя никто не возьмет! Валяй, учись своей истории! Научишься, поступишь в музей, будешь там пыль глотать, как мать, всю жизнь за три копейки!

– А вы... то есть у вас... какая работа?

– У меня бизнес, а не работа, – сказал отец и потянулся на сиденье, запрокинув черноволосую голову. – А это тоже две большие разницы.

– Какой бизнес?

– Мебельный, – ответил отец легко. – Салоны видел «Элитная мебель для элиты»?

Федор мебелью не особенно интересовался, но на всякий случай сказал, что видел.

– Вот то-то. Все мои! Ну, фабрики, заводики тоже. В Дмитрове сейчас фабрику перекупаю, надоело в командировки мотаться. Хотя под Москвой производство недешевое, да что теперь делать!..

– А что делать? – наивно спросил Федор, и отец засмеялся, вновь показал крепкие молодые зубы.

– Расширяться надо, говорю, олух ты царя небесного! Большой бизнес, большие планы! Я так думаю, что народ в столицу как валом валил, так валить и будет, следовательно, будет покупать квартиры и мебель, мебель и квартиры! А у меня уж все готово!

Он перестал улыбаться, посмотрел на часы, а потом в окно.

– Ну, где тебя посадить?

Федор такого поворота не ожидал. Они даже ни о чем не поговорили – только про какую-то мебель, на которую Федору было решительно наплевать! Он хотел спросить отца, почему тот ушел, почему ни разу не позвонил и перестал приходить к нему, к Федору! Ну, мать ладно, допустим, мать он разлюбил, а его, сына, тоже, что ли, разлюбил? Или просто никогда не любил? Или он не угодил ему чем-то?..

– Сейчас к метро подъедем. Костя, притормози там.

– Хорошо, Алексей Дмитриевич.

– А это... охрана? На той машине?

Отец весело и победительно взглянул на сына:

– Охрана, браток. Нынче по Москве без охраны мне никак не полагается! А ты чего думал, я музейный работник, вроде матери твоей?!

Машина стала медленно забирая вправо, и Федор понял, что аудиенция окончена, а отец вдруг сказал, доставая из нагрудного кармана визитную карточку:

– Звони, если захочешь! Денег не дам, а так, если совета спросить, можешь набрать. Я тебя по-отечески, так и быть, проконсультирую бесплатно!

– В чем... проконсультируете?..

– Да хоть в чем. – Отец хлопнул его по плечу, как делают в сериалах, и махнул рукой. – В бизнесе, когда надумаешь делом заниматься. Выметайся. Во-он за ту ручку потяни и выметайся! Пока.

– Пока, – пробормотал Федор и кое-как вывалился из причалившей к обочине машины.

Под ногами была каша из воды и снега, и он сразу начерпал полные кроссовки этой кашей, и какая-то девчонка шарахнулась в сторону, испугавшись громадных черных исполинов с тонированными стеклами. И на Федора, вывалившегося в лужу, она посмотрела, как ему показывали.

лось, с интересом. Девчонка была красивой, и просто так, если бы не эти самые исполинские машины, она на него вообще бы не взглянула, это уж точно!

Он стоял по щиколотку в снеговой воде и смотрел вслед машинам, пока они не скрылись из глаз, а потом выбрался из лужи, бессмысленно потопал ногами и побрел в сторону дома. Он выскочил без денег, а ломиться мимо контролера «внахапку» ему не хотелось, да и подумать было о чем.

Он шел и думал о своем отце, и все время одними и теми же словами – вот, значит, он какой! Высоченный, красивый, молодой, сильный!.. И машины, и охрана, и водители – повелитель мира, одним словом! Конечно, такой человек не мог жить с его матерью, просто не мог, и все тут. Она была словно из альбома – старуха с черно-белым угловатым лицом, как из прошлой жизни, – а отец такой земной, деятельный, должно быть, очень жизнелюбивый!

Федор вроде бы позабыл о том, что отец много лет не приходил и вообще не интересовался его существованием и сегодня, когда они наконец встретились, все время повторял, что денег не даст, хотя Федор не просил у него ничего! Сын как будто оптом все ему простил – за победительность, за молодое лицо, громкий смех, за уверенность, которой самому так не хватало!

Он брел домой, стискивал кулаки и думал все время об одном и том же – он хочет быть таким, как его отец, у него, Федора, ведь есть отцовские гены, значит, и он сможет, раз тот смог! И как он там сказал про его институт? Бабский? Старики учат баб пыль глотать? Ну, и прав он! Прав! Прав!

И гордость от поступления в «элитный» вуз как-то моментально слиняла, и учеба потеряла всякий смысл, и все пять лет Федор Башилов учился словно через силу.

Нет, не так.

Он словно делал все время вид перед отцом, что учится через силу! Отца он с тех пор видел всего пару раз, и про учебу тот ничего не спрашивал, но Федор старательно изображал – и перед самим собой, и перед матерью, – что просто «тянет лямку», угождает матери, которая «запихнула» его в такое неподходящее место.

Деньги, которые тогда отец швырнул на стол, предназначались в благодарность директору музея, тот, ясное дело, их не взял, да еще и накричал на мать, чтобы та и думать не смела взятки ему давать! И она, вернувшись домой, снова плакала обильными благодарными слезами и денежки отнесла «на книжку», а там было немало – три тысячи долларов. Мать сказала, что начало положено – теперь они будут копить Федору на машину или на свадьбу. А Федор совершенно точно знал, что на машину они не накопят никогда, а свадьба дело в принципе очень неопределенное!

За пять лет денежки разошлись. Бабушка болела, и ей нужно было покупать лекарства, только она все равно умерла. Потом Федор задумал бизнес – он пыжился изо всех сил, все мечтал быть похожим на отца! – и прогорел, конечно. Он взялся ремонтировать квартиры, и его тут же надули. Два парня, с которыми он открыл этот самый «ремонтный бизнес», получив первую зарплату, долларов двести, купили себе по мобильному телефону и Федора бросили. Он остался один, а заказчик, какой-то молдаванский торгаш с рынка, усатый, пузатый, вальжанный, с выпученными карими глазами, чуть было не взял его в рабство – отобрал паспорт и несколько дней не выпускал на улицу, все требовал, чтобы Федор закончил начатый ремонт, а потом отнял все деньги и пинками выгнал его за дверь, резонно рассудив, что в Москве держать человека в рабстве не с руки – еще менты застукают, и не откупишься от них!..

Денежки разошлись, ничего от них не осталось, и машина не получилась, и свадьба не состоялась. Впрочем, какая там свадьба!.. Светка сказала, что ничего из него никогда не выйдет, а им, девчонкам, нужны победители, а не какие-то драные оболтусы в куртке из «искусственного кролика»! Да еще и «музейные работники»!

После «элитного» Историко-архивного института Федор Башилов стал музейным работником. Все в точности так, как говорил ему когда-то отец. Он работал в музее и получал семь тысяч восемьсот тридцать три рубля семьдесят копеек, тютелька в тютельку, согласно штатному расписанию.

И хотя в последнее время мать уже не спрашивала Федора про Париж, он все-таки еще немножечко ее любил. И жалел.

Федор Башилов, занятый своими горестными мыслями, пропустил самое главное.

Он пропустил троллейбусных контролеров, а когда увидел, было уже почти поздно!

Как обычно, их было двое – две толстые тетки в пальто и шапках надвигались на него с двух сторон, как охотники на волка, и от них не было спасения. Платить штраф Федору было нечем, и он знал, что дальше начнется отвратительная, унижительная волынка с высаживанием его из троллейбуса, долгими объяснениями и ничего уже не поможет! И как это он их проглядел?!

Понимая, что ничего не поможет, он все же стал бочком продвигаться к задней двери, но контролерша, кажется, уже его заметила, наметанный глаз определил, что длинноволосый голодранец заметался, и Федору показалось, что на большом, плоском контролерском лице мелькнули злорадство и удовлетворение – должно быть, им *на самом деле* нравится ловить зазевавшихся «зайцев»!

Он сделал вид, что уронил что-то под сиденье, нагнулся и стал шарить, краем глаза поглядывая на своих приближающихся загонщиков.

– Ты чего там ищешь? – равнодушно спросил сидящий дедок и покрепче обнял свою сумку. – Чего там тебе надо?

– Ничего, – пробормотал Федор. Волосы вылезали из-под шапки, падали на глаза.

– Чего надо-то, спрашиваю? – повысил голос дедок, и Федор с тоской подумал, что не избежать ему скандала – сейчас, когда выяснится, что билета у него нет и денег нет, и они станут тащить его из троллейбуса, дедок непременно вмешается и понесет что-нибудь про то, какая нынче пошла молодежь, и что сажать таких – не пересажать, и раньше бы нашли управу, а нынче все распустились!

И тут произошло непредвиденное.

Возле передней двери произошли скандал и потасовка.

Передняя контролерша выловила вожака «зайца», видимо, менее опытного, чем Федор Башилов, который знал, что самое главное – с ними не спорить, а держаться тише воды ниже травы и тогда, может быть, отпустят. «Заяц» пустился во все тяжкие, закатил глаза и начал верещать, и все пассажиры моментально обернулись и вытянули шеи – еще бы, такое развлечение!.. И дедок совершенно позабыл про Федора, приподнял с дерматинового сиденья худосочный зад и стал коршуном глядеть в ту сторону, где скандалили.

– Ни-и-на! Ни-ина! – на весь салон протяжно закричала передняя контролерша, и задняя двинулась ей на помощь, как ледокол к застрявшему во льдах «Челюскину»!

– Пропустите, молодой человек! – сказала она Федору и отстранила его с дороги рукой, а тут и троллейбус затормозил, и добрый-добрый женский голос из динамика объявил на весь салон остановку и призвал не забывать свои вещи.

Федор Башилов ринулся к задней двери, скатился со ступенек, и свобода приняла его с распростертыми объятиями!..

Он не доехал всего пару остановок – а в центре они короткие, и пешком недалеко, – и за билет не заплатил, и в скандал не ввязался. Красота!

Он дошел почти до цели и уже видел сверкающие шпили и башни здания, к которому шел, и тут у него в нагрудном кармане затрезвонил телефон.

Ему редко звонили, и он сам почти не звонил – все экономил – и очень удивился, когда телефон затрезвонил. Еще больше он удивился, когда увидел, что это Светка, с которой он вроде как поссорился недавно, а она была не из тех, что кидаются мириться первыми.

– Да? – осторожно спросил в трубку Федор Башилов. Может, она хочет сказать ему, что они расстаются навсегда?!

– Федя, – прорыдала Светка в трубе, – Феденька-а-а!

Он перепугался так сильно, что стал как вкопанный, содрал с головы шапку и зачем-то кинул ее на заплеванный снег.

– Что?! Что случилось?!

И еще ему почему-то показалось, что беда приключилась с матерью. Он бы этого не пережил.

– Феденька, отдай им все, что они просят! Отда-ай, Федя! Или они меня убью-ут!

За ширмой сидел старик Василий Дмитриевич, уронив голову на руки. Он сидел совершенно неподвижно, и Олег Петрович облизнул вмиг пересохшие губы.

– Василий Дмитриевич! – позвал он и сделал осторожный шаг. – Вы слышите меня?

Пожалуй, зря он оставил Гену Березина в машине. Пожалуй, зря он все время выпендривался и ездил без охраны. Зря он вообще притащился сюда!..

– Василий Дмитриевич?!

Олег, никогда не любивший детективы, тем не менее точно знал, что именно в такой позе герой чаще всего и находит убитого. Сейчас он возьмет его за плечо, и тяжелое мертвое тело подастся, поползет со стула и обрушится на пол с ужасающим ненатуральным грохотом!..

– Все, все пропало! – пробормотало предполагаемое «мертвое тело». – Теперь уж точно все пропало!

Олег сильно выдохнул, постоял и взялся рукой за висок, в котором сильно и равномерно стучало.

Тело Василия Дмитриевича, пока еще вполне живое, зашевелилось на стуле и обратило к Олегу мученический лик.

– Великий бог! – возликовало тело, и лик преобразился, из мученического стал вполне человеческим. – Какое счастье, что вы приехали, Олег Петрович! Какое непередаваемое счастье, мой дорогой молодой друг!

Олег достал из кармана сигарету и закурил, не спрашивая разрешения.

– Так, – сказал он, стараясь не глядеть на старика, чтобы тот не обнаружил, как перепугался его «молодой друг». – Что такое случилось, Василий Дмитриевич?

– Голубчик! – простонал тот. – Дайте старику глоток коньяку! Один глоток, и я буду готов поведать вам все, что со мной стряслось! Только один глоток!

– Да где же я вам возьму коньяк?!

– Как где? Вон там, за дверкой, в шкапчике все приготовлено! Только налить и осушить, для успокоения стариковских нервов!

– В каком... шкапчике, Василий Дмитриевич?

– Во-он, в буфетике восемнадцатого века, то ли подлинная Анна Иоанновна, то ли подделка под нее, сердешную, я еще не разобрался. Бироновщина, бироновщина, дорогой мой, тогда мучила Россию!.. Ее все время мучило то одно, то другое... Там все и приготовлено.

Большими шагами Олег дошел до то ли подлинного, то ли поддельного «буфетика» времен Анны Иоанновны, распахнул створку, и точно! На полке было все приготовлено: и коньяк в хрустальном водочном графинчике, который с коньяком никак не вязался, и лимончик кружочками на блюдечке, и даже нарезанное толстыми кусками сало – это уж совсем ни к чему! Сервировано все было на подносе, и Олег достал поднос и водрузил перед антикваром. Видимо,

Василий Дмитриевич как раз собирался подкрепить свои силы, и тут случилось нечто «кошмарное», из-за чего весь сыр-бор разгорелся.

– А вы? Со мной за компанию?

– Под сало, Василий Дмитриевич?

– Да вы ведь не на обеде с принцем Альбертом, дорогой мой! – парировал старик. – Это там у них коньяк салом не заедают, а у нас тут – отчего же?

Олег налил темную, вкусно пахнущую жидкость в две пузатые узкогорлые рюмки, взял свою, понюхал, покрутил в руке, еще раз понюхал и выпил залпом.

Коньяк оказался не так уж плох, как можно было предположить. Старик проглотил свою порцию, немедленно налил из графинчика еще, и опять проглотил, и снова налил.

– Василий Дмитриевич, – глядя на его манипуляции, сказал Олег Петрович. – Если вы намерены продвигаться такими темпами, я, пожалуй, поеду.

Старик схватил его за руку и чуть было не прижал ее к груди, но Олег не дал.

– Друг мой! – вскричал старик страшным голосом, покосился на свою рюмку, подхватил ее и опрокинул в себя. – Вы даже представить себе не можете, в какое ужасное положение я попал!

– Не могу.

– Вы даже не знаете, какая опасность мне угрожает!

– Не знаю.

– Вы и не предполагаете...

– Не предполагаю, – перебил его Олег Петрович. – Но у меня встреча, я не могу опоздать. Намек понимаете?

– Конечно, конечно, понимаю! – Антиквар снова налил себе и снова тяпнул и только тут заел лимончиком. – Итак, я грешен! Страшно грешен, Олег Петрович!

Олег потушил сигарету в замысловатой пепельнице, напоминавшей то ли цветок лотоса, то ли морскую раковину. Пепельница была пыльная, и в тесном пространстве сразу завоняло жженой шерстью.

– Каяться – это к батюшке. – Олег выразительно посмотрел на часы. – Я-то чем могу служить?..

– Секунду, секунду, одну небольшую, самую маленькую секундочку...

Старик проворно подскочил со стула, с сожалением посмотрел на графинчик, где еще порядочно оставалось янтарной жидкости, и побежал в сторону облупленной сейфовой двери, за которой, Олег знал, у него была комнатка, где он держал самое ценное.

– За мной, за мной, Олег Петрович! – и распахнул дверь.

В комнатке было совсем не повернуться, и яркий свет лампочки без абажура, болтавшейся на длинном витом проводе, делал помещенье похожим на камеру пыток из фильма про фашистов.

Ловко маневрируя между нагромождениями и баррикадами из вещей, старик добрался до огромного несгораемого ящика с поцарапанной дверью, нашарил ключи, отомкнул многочисленные замки и, косясь на Олега, еще набрал какой-то шифр на кодовом замке.

Олег усмехнулся и отвернулся.

Тяжелая дверь отворилась, чуть скрипнув.

– Вот, – сказал старик. – Вот они, мои прегрешения. Полюбуйтесь.

Олег заглянул внутрь.

Никаких особенных прегрешений он не увидел, зато на средней полке, прямо у него перед глазами, оказалась превосходная небольшая коллекция серебра и бронзы. Здесь были изумительные настольные часы, поднос с кувшином и стаканами, чернильный прибор, небольшое кабинетное расписание превосходной работы, кофейник с печатью Османов и – в лучших

традициях! – малахитовая шкатулка с наборной крышкой, отделанная черненым серебром и самоцветами.

Олег длинно присвистнул.

На глаз он датировал коллекцию примерно серединой восемнадцатого века.

Василий Дмитриевич смотрел на него, не отрывая беспокойных глаз.

– Откуда это у вас?

– Да в том-то все и дело, голубчик мой...

– Можно?

– Да конечно, конечно! Берите! Смотрите!

Олег взял в руки то, что притягивало неимоверно – шкатулку, – и даже охнул, такая она оказалась тяжелая. Он покрутил ее так и эдак, вернул на полку, попробовал открыть, и она поддалась! Олег был уверен, что шкатулка не открывается! Стенки у нее были толщиной в два пальца, и внутри она оказалась значительно меньше, чем можно было предположить снаружи.

– Шкатулка-то не простая, – самому себе сказал Олег. – С секретом шкатулочка.

– Да ведь, – старик оглянулся по сторонам и сунулся к уху Олега Петровича, – да ведь батюшка Серафим был взят отсюда...

Олег быстро на него взглянул. Василий Дмитриевич закивал.

– Да, да, икона, что вы забрали, с ликом Серафима Саровского. Я ведь ее отсюда и достал.

– Как... отсюда?

– Да вот прямо из шкатулочки!

Олег уже ничего не помнил о встрече, на которую опаздывает, о прелестной барышне Виктории, ожидающей в машине. Его интересовало только одно – изумительная коллекция, в которой непонятно как оказалась еще и икона!..

Он поискал глазами, куда бы ему поставить шкатулку, чтобы рассмотреть получше, и бережно взяв обеими руками, пристроил на деревянные козлы, тянувшиеся вдоль стены и заваленные всякой всячиной.

– Василий Дмитриевич, – начал Олег, рассматривая работу по серебру, – давайте-ка все сначала. Я ничего не понимаю. Откуда у вас эта коллекция?

Старик заюлил, завздыхал, стал отводить глаза и понес околесицу.

– Василь Дмитрич! – прикрикнул «молодой друг». – Коллекция откуда?

– Ах, бог мой, ну, просто коллекция, и все тут! Ее мне дали всего на несколько дней, для того чтобы оценить и подтвердить подлинность. Во вторник нужно вернуть.

– Да что тут подтверждать, все и так понятно! И мне понятно, и вам наверняка тоже!

– Хорошо, но могут быть обстоятельства, в которых людям просто нужно подтверждение, и все тут! Разве таких обстоятельств не бывает?

– Полно врать, Василий Дмитриевич, – сказал Олег не без укора. – За кого вы меня принимаете? Говорите все, как есть!

Он подозревал нечто не слишком красивое и, главное, не слишком законное, но все оказалось еще хуже.

Коллекцию антиквару принес совершенно неизвестный и дотоле Василием Дмитриевичем никогда не виденный молодой человек. Просто в сумке принес. Расставил все на столе и попросил оценить.

– Вы же не эксперт. Вы антиквар, – заметил Олег Петрович. Он все никак не мог оторвать глаз от шкатулки, рассматривал, открывал и закрывал тяжелую толстую крышку.

Василий Дмитриевич махнул рукой:

– То-то и оно. Das ist ja unerhört!² Черт знает что!

² Это неслыханно!

– То есть этот самый молодой человек понятия не имеет, кто может, а кто не может оценивать подобные вещи, и тем не менее располагает такой коллекцией! И он принес ее вам просто по недомыслию. Правильно я понимаю?

Старик посмотрел на него несчастными глазами.

– Вы, конечно, моментально поняли, что коллекция краденая, но все же взяли ее, как бы для оценки.

Старик кивнул с похоронной мрачностью.

– Тяжкий грех, – объявил он и стукнул себя кулаком в грудь. – Тяжкий.

Он лукавил, и Олег прекрасно это понимал.

Отказаться невозможно – как наркоману от дозы. Невозможно, и все тут! Когда ты видишь *это* своими глазами, можешь поддержать в руках, когда, как Скупой рыцарь, трясешься над сокровищами, когда единственная мысль – немедленно забрать все себе, – где уж тут отказаться?!

Олег и сам такой.

Старина притягательна, опасна и вечна, как бриллианты. Неистовое желание обладать может в два счета обратить в преступника любого, самого законопослушного человека!

– А икона при чем?

– А икона была вынута вот отсюда, Олег Петрович.

Василий Дмитриевич приблизился, повернул на козлах шкатулку так, что задняя ее стенка оказалась на свету, и показал пальцем:

– Видите?

– Что?

– Вот здесь зазорчик. И вот с этой стороны, изволите наблюдать, тоже. О чем нам это говорит?

– О том, что в задней стенке тайник?

– А вот и нет-с, мой молодой друг! Тайник, конечно! Только не в задней стенке. Дайте-ка мне вон там, видите, медную проволочку! Ах, боже мой, ну вон же, вон, слева от чайника!

Олег подал ему кусок медной проволоки. Антиквар аккуратно просунул ее в уголок, где неплотно сошлись две серебряные пластины, легонько потянул и выдвинул дно шкатулки. У Олега от предвкушения сладко замерло сердце.

– Вот здесь я и обнаружил лик батюшки Серафима.

– Шкатулка с секретом? – сам у себя спросил Олег Петрович. – Да еще с таким? Откуда бы ей взяться?..

Он задвинул потайной ящик, взял из пальцев Василия Дмитриевича проволочку, засунул в зазор, потянул, и ящичек вновь легко выдвинулся. Внутри он был полностью серебряный, с замысловатым клеймом мастера.

– Лупа есть, Василий Дмитриевич?

Старик вздохнул.

– Лупа есть, разумеется, – пробормотал он. – Но неужели вам действительно нужна лупа?! Неужели вы без лупы не можете определить?

– Фамилию мастера не могу.

– Да зачем вам фамилия, дружочек мой! Вы... принадлежность коллекции определите по фамильному гербу владельца.

Олег еще раз со всех сторон осмотрел шкатулку, потом снова заглянул в нескораемый шкаф и по очереди выставил на козлы и часы, и поднос, и чернильный прибор, и распятие, и кофейник. Василий Дмитриевич расчищал ему место и поглядывал нетерпеливо.

Олег ощупал и осмотрел каждую вещь.

– Ну хорошо, допустим, – сказал он, отвечая на немые ужимки Василия Дмитриевича. – Допустим. А кофейник откуда? Кофейник-то османский!

– Ну как же откуда, дорогой вы мой?! Как же откуда? Вы припомните, припомните хорошенько!

Олег подумал.

– Вы хотите сказать – Николай Никитич? Тот, что был адъютантом Потемкина во вторую турецкую кампанию?

Старик просиял и закивал.

– Да, – Олег задумчиво потер пальцами выбитую в серебре печать Османов, – вполне возможно. Вполне возможно, что Николай Никитич басурманский трофей привез на родину и дополнил, так сказать, семейную коллекцию.

– Ну? – выдохнул старик. – Ну-с? Резюме!..

– Да все понятно, – заключил Олег. – Это остатки знаменитой фамильной коллекции Демидовых.

Василий Дмитриевич счастливо засмеялся и отечески похлопал Олега по плечу.

– Предположим, шкатулка принадлежала Акинфию Никитичу, сыну Никиты Демидова, того самого, которого Петр Первый во время войны со шведами сделал поставщиком ружей, а потом пожаловал ему уральские земли. В то время именно так работали по серебру, довольно грубо, и это видно. – Олег прищурился на серебро и продолжал: – Собственно, именно Акинфий Демидов и открыл алтайские серебряные рудники, а в тысяча семьсот двадцать шестом году получил вместе с братьями потомственное дворянство. Его внук Павел Григорьевич активно жертвовал Московскому университету. Громадные демидовские коллекции пожертвовал Павел Григорьевич, громадные! Ничего не жалел для отечества и науки.

Василий Дмитриевич кивал при упоминании каждого имени.

– Частично демидовские коллекции были привезены из Франции и из Флоренции, где жил еще один Демидов, Анатолий Николаевич, женатый, если память мне не изменяет, на какой-то родственнице Наполеона. Это уж девятнадцатый век!

– Не изменяет, не изменяет, рано вам еще жаловаться на память! А женат он был на племяннице императора, Матильде.

Олег помолчал и еще раз осмотрел каждый предмет. И вдруг удивился:

– Слушайте, а как все это могло оказаться у какого-то молодого человека в сумке?! Ну, если только, конечно, он не знаменитый музейный вор!

Старик пожал плечами и отвел глаза.

Было совершенно ясно, что вещи краденые. Да еще не просто краденые, а именно – из музея!

– Так, хорошо, – быстро сказал Олег. – А Серафим? Он откуда? Первые известия о его жизни были напечатаны только в середине девятнадцатого века. А про изображения я вообще ничего не знаю, кажется, они появились значительно позже... или нет? И кому могла в то время принадлежать шкатулка, непонятно; когда в нее положили икону, мы с вами сейчас не установим, может, в конце девятнадцатого века, может, в начале или даже середине двадцатого! Не зная, откуда была... изъята коллекция, мы этого не установим. – Он немного подумал. – А вы знаете что-нибудь про изображения преподобного Серафима, Василий Дмитриевич?

– К стыду своему, должен признаться, что...

– Вот и я тоже – к стыду... Значит, придется искать эксперта. А про икону этот загадочный молодой человек с сумкой вам вообще ничего не говорил?

– Нет, ни словом, ни полусловом не помянул, Олег Петрович! Я так подозреваю, что он того... не в курсе, что шкатулка с секретом и что там батюшка Серафим, так сказать, нашел временное пристанище.

Олег покосился на Василия Дмитриевича.

– Пристанище? – переспросил он.

И они оба молча еще немного полюбовались коллекцией.

Акинфий Демидов, думал Олег Никонов, второй Демидов из всех известных в истории. Может быть, ему эту шкатулку на день рождения поднесли? Или он сам заказал для каких-то своих надобностей, для тайной переписки, к примеру! Как странно, что он, Олег, нынче может подержать ее в руках, открыть потайной ящичек, потрогать серебряную черненую пластину!

Как будто потрогать руками *время*.

Нужно было сделать над собой усилие и оторваться от созерцания *времени*, и Олег его сделал.

Осторожно, одну за другой, он переставил вещицы обратно в нестораемый шкаф и прикрыл тяжеленную бронированную дверь.

Старик антиквар наблюдал за его действиями с беспокойством. До сих пор они были объединены общей страстью – к старине и к загадкам, которые так вкусно и сладко отгадывать. Настал момент объяснений, а объясняться старику не хотелось, и было страшно.

– Ну? – спросил Олег Петрович. – Я так понимаю, что это не конец истории, а только начало. Верно?

Василий Дмитриевич с горечью покивал и стал сосредоточенно запереть сейфовые замки. При этом многотрудном деле он посапывал, побряхтывал, но не произносил ни слова.

Олег дал ему закончить дело, а потом крепко взял под локоть и повел вон из комнатки.

– Нет, вы не думайте, Олег Петрович, что я хочу, так сказать, оставить себе, но...

– Давайте поговорим, – душевно предложил Олег.

Тут, как нарочно, и назначенная на пять встреча всплыла в памяти, и моментально вернулась окружающая действительность. Олег почувствовал, что замерз – в сокровищнице едва тлела единственная чугунная батарея, а за окнами мороз! – и сипение рефлектора стало отчетливо слышно, и приглушенные крики детворы, катавшейся на бульваре с ледяной горки.

– Садитесь, Василий Дмитриевич! И я присяду. – Олег устроился верхом на ненадежном венском стуле, который скрипнул под его тяжестью.

Старик вздыхал, маялся и снова налил из графинчика.

Молчание затягивалось.

– Василий Дмитриевич?

– Стыд, стыд, Олег Петрович!..

Олег подумал.

– Вы что, обещали... купить коллекцию?

Старик опрокинул коньяк, ссутулил плечи и кивнул.

– Ну, так не покупайте! Ее нельзя покупать! Она явно краденая, и даже не из частной коллекции, это же понятно. Остатки демидовских коллекций в частных собраниях есть только за границей, а в России все по музеям! Или вы хотите, чтобы вас объявили в международный розыск и в национальный заодно?! Поместили портрет в дежурной части «Их разыскивает милиция»?!

– Все гораздо хуже, Олег Петрович.

– Как?!

– Бес попутал! Говорю вам точно – бес попутал!

Олег начал догадываться.

– Вы что... уже купили?! Быть такого не может! Вы же опытный человек, вы все знаете! И с краденными вещами никогда дела не имеете!

– Да ведь бес попутал! Armleuchter! Старый идиот!

Олег Петрович решительно не знал, верить ли ему своим ушам. Приходилось верить.

– Рассказывайте, как все было.

Молчание, сопение и вздохи.

– Василий Дмитриевич! – прикрикнул Олег. – Если вы мне не расскажете, я, ей-богу, уеду! И не стану вам помогать! Я не знаю, как мне вам помочь!

– Ну хорошо, хорошо!.. Молодой человек принес вещицы. Я сразу, так сказать, сообразил, что коллекция несметной цены, даже не потому, что серебро и бронза, а потому что...

– Ясно, ясно, – перебил Олег, – а потому, что демидовская. Там на каждой вещи как будто фамилия написана.

– Именно, Олег Петрович, именно! И потому, что не музейная, а именно фамильная, то есть до новейшего времени не музейная! Кувшинчик-то турецкий явно позднейший, значит, его Николай Никитич Демидов, как вы справедливо изволили заметить, вполне мог привезти в качестве трофея с Турецкой войны. И Серафим! Самое главное – Серафим! Он-то в шкатулке мог очутиться только в начале двадцатого века, в крайнем случае в конце девятнадцатого!

– Ну, про Серафима вы ничего знать не знали, – резонно возразил Олег Петрович. – Тот, кто вам принес коллекцию, про икону тоже не знал, а то, что шкатулка с секретом, вы сразу обнаружить не могли. Верно?

– Верно, – согласился Василий Дмитриевич не сразу.

– Если икону никто до вас не нашел, а она оказалась в тайнике, допустим, в девятисотом году – ну допустим! – значит, эта коллекция по крайней мере до семнадцатого года находилась в частном владении. Вот интересно-то. Очень интересно, Василий Дмитриевич!

– То-то и оно, – скорбно согласился старик. – Потому я и не устоял.

– На сколько не устояли?

– В каком смысле?

– Сколько вы заплатили неизвестному молодому человеку?

– Олег Петрович, вы же понимаете, что я не мог дать настоящей цены именно потому, что явное незаконное происхождение...

– Сколько?

Антиквар вздохнул:

– Пять тысяч.

– Пять тысяч... чего?

– Долларов, конечно!

– Господи помилуй, – пробормотал Олег Петрович. – Просто так, наличными?

Старик вдруг рассердился:

– Ну не выписывал же я ему банковский чек!

– И он счел сумму достаточной?!

Молчание и сопение.

– И вы просто отсчитали деньги?!

Молчание и горестное сопение.

– А... расписку взяли?! Нотариально заверенную?! Хотя какая расписка, когда вещи краденые!

Олег Петрович закурил сигарету и негромко чертыхнулся. Таких... экзерсисов от умудренного опытом Василия Дмитриевича он никак не ожидал.

– Но и это не самое плохое, – вдруг громко сказал старик. – Самое плохое то, что сегодня по телевизору туманно намекнули на кражу из какого-то крупного музея и велели ждать подробностей в вечерних новостях.

Олег смотрел на него во все глаза.

– Это первое самое плохое. А второе самое плохое то, что мне позвонили.

– Кто?

– Я не знаю. Мне позвонили и пригрозили... убить, если я не верну старье, кажется, именно так они и выразились – старье.

– Почему вы говорите – они?

– Потому что со мной разговаривали двое. Один ласково, а второй... Второй разговаривал со мной ужасно! Он говорил ужасным тоном ужасные слова, Олег Петрович.

– Вам... всерьез угрожали?

Старик кивнул. В лице у него что-то дрогнуло.

– Я старый человек, Олег Петрович, и прожил, должно быть, не самую праведную жизнь, да и с коллекцией бес попутал, но я ничем не заслужил, чтобы со мной разговаривали... подобным образом!

– Да им наплевать, – морщась, сказал Олег Петрович, – какую жизнь вы прожили!

– Да, но говорить мне, что с помощью паяльника можно забрать у кого угодно что угодно... тьфу, даже повторять не хочу!

– Паяльник – это не ново, – задумчиво пробормотал Олег. – Паяльник – это, можно сказать, ретростиль, Василий Дмитриевич. Хотя действует безотказно.

Старик открывал и закрывал рот, как большая рыба, выброшенная на берег.

– Итак, – попытожил Олег Петрович. – Неизвестный юноша забрал ваши пять тысяч долларов, которые вы ему выдали просто так. Другие неизвестные молодые люди позвонили вам и потребовали вернуть «старье», которое, собственно, и продал вам за эти пять тысяч юноша номер один. Вдобавок они вам угрожали.

– Гнусно угрожали, Олег Петрович.

– А по телевизору вы слышали о музейной краже, сложили два и два и получили, что наша коллекция – как раз и есть эта самая музейная кража.

– Точно так и есть. Atzend! Ужасно.

– Когда они хотят забрать коллекцию?

– Завтра я должен привезти все вещи до одной на станцию метро «Павелецкая». Ко мне подойдет человек и спросит, не продаю ли я столовое серебро. Я должен сказать, что продаю, и пригласить его в свой магазин.

– Как пригласить? Назвать адрес?

– Я должен сказать, чтобы он приезжал за столовым серебром сюда, на Фрунзенскую набережную... – Старик помолчал. – Вы знаете, от страха я даже забыл номер дома. Можете себе представить?

– Могу. И что дальше? Человек на «Павелецкой» заберет у вас сумку, и все?

– Да. Они оставят меня в покое.

– Или сдадут в милицию, – предположил Олег Петрович. – Если ваши предположения относительно музея верны, сдать вас в милицию ничего не стоит. Как раз когда вы будете передавать сумку. С поличным.

– Да, но... зачем?! Это же бандиты! Зачем им сдавать меня в милицию?!

– Мы не знаем, кто это, Василий Дмитриевич! С равной долей вероятности это могут быть и бандиты, и менты.

– Как?!

– Да так. Вашего юношу, который принес серебро и бронзу, вполне могли задержать. Судя по всему, он просто шестерка, никто, дурашка. Юноша мог рассказать, что отдал все вам. И теперь у них одна забота – разоблачить воровскую шайку так, чтобы ликовала вся страна. Милиция не дремлет! А шайка – это, собственно, вы и ваш молодой друг. Понимаете?

– Великий бог, – пробормотал Василий Дмитриевич убитым голосом и хлебнул коньяку прямо из графина.

– А может быть, вас просто развели на деньги.

– Раз... развели?

– Как ребенка. Один принес ценности, явно ворованные. Вас бес попутал, вы решили, что можно получить несметные сокровища за пять тысяч долларов, и вы их прямо тут, на месте, и отвалили. Подельники юноши должны у вас коллекцию забрать. Они и заберут – завтра на «Павелецкой»! И сдадут ее профессионалам, тем, кто всю жизнь занимается скупкой краденого. А вы считайте, что погорели на пять тысяч долларов и еще дешево отделались, вот и все.

– Великий бог, – жалобно пробормотал Василий Дмитриевич. – Великий бог!

Олег докурил сигарету и снова затушил ее в пепельнице, от которой воняло жженой шерстью.

– У вас продается славянский шкаф? – спросил он у старика. Старик только моргал воспаленными несчастными глазами. – Шкаф уже продан, – сам себе ответил Олег Петрович. – Могу предложить никелированную кровать!

– Все шутите, Олег Петрович.

– Какие уж тут шутки, Василий Дмитриевич! – И он взглянул на часы.

Старик переполошился.

– А... вы что, спешите, Олег Петрович?

– Да я вам об этом битый час толкую!

– А... мне что делать?

Олег подумал немного.

– Делать?.. Завтра... во сколько там вам велено быть на «Павелецкой»?

– В три часа.

– Завтра в три часа вы поедете на «Павелецкую» и выполните все инструкции, которые вам были даны по телефону. То есть сложите всю коллекцию в сумку и отдадите человеку, который спросит вас, не торгуете ли вы серебром. Прямо кино про шпионов какое-то!

– И что дальше?

– Дальше вы вернетесь сюда, откроете свой магазин и будете жить, как и прежде жили, но без демидовских серебра и бронзы.

– Позвольте! А мои пять тысяч долларов?!

– Тю! – сказал Олег Петрович и махнул на старика рукой. – Спихнулись! Позабудьте про ваши пять тысяч! Для вас теперь самое главное, чтобы встречу назначили бандиты, а не менты! Бандиты просто заберут у вас сумку – и дело с концом. А менты возьмут вас с поличным.

– Как же так!

– Да так. Поэтому на всякий случай вас подстрахует мой водитель, Гена. Вы его знаете. Он довезет вас до места встречи и проконтролирует ситуацию.

– Да, но что ваш Гена сможет сделать в случае, если мышеловка захлопнется?!

Олег засмеялся, взялся рукой за спинку стула, наклонился и интимно шепнул старику:

– Тебя, Дима, посадят, а ты не воруй!..

– Олег Петрович!!

– Ну, мы попробуем что-нибудь сделать. Гена вполне опытный в таких делах человек.

– Да, но что он сможет?..

– По крайней мере, он известит меня, а я постараюсь замять скандал. И заметьте, я ввязываюсь во все это только из хорошего к вам отношения.

– Олег Петрович, дорогой, я отслужу, голубчик вы мой! И кресло вашей барышни! Первое же кресло Гамбса по совершенно, совершенно смехотворной цене.

– Во-первых, барышня не моя, это вы мне ее спланировали. Во-вторых, по-моему, в данном случае благотворительность неуместна. Кроме того, вам же нужно возместить убытки, пять тысяч долларов!

Старик спросил совершенно серьезно:

– Вы считаете?..

Олег покатился со смеху.

– Я поеду, Василий Дмитриевич. Меня время совсем поджимает. Да, и прежде чем ехать на «Павелецкую», не забудьте протереть все предметы. Можно просто мокрой тряпкой, а лучше со спиртом.

– Зачем?

– Чтобы не было ни ваших, ни моих отпечатков! А если по телевизору на самом деле говорили именно об этой краже?! В крайнем случае будем упираться на то, что сумку вам просто принесли и попросили поддержать, а вы в нее даже не заглядывали. Вряд ли нам поверят, но все же лучше, если отпечатков не будет. Сделаете, Василий Дмитриевич?

– Конечно, конечно! Я вас не подведу.

– Вы меня уже подвели, – сказал Олег негромко.

Оставался еще один нерешенный вопрос, и – вот ей-богу! – он понятия не имел, как его следует решать.

...или сделать вид, что никакого такого вопроса вообще нет?

Искушение велико.

Поддаться ему – значит ввязаться в еще более темные дела, чем те, в которые ввязался Василий Дмитриевич.

Не поддаваться – значит потерять нечто драгоценное, такое, что потерять ни за что не хочется!

Олег помедлил, поглядывая на старика и прикидывая свои возможности.

Решимость улетучилась куда-то, как будто растаяла в сигаретном дыме, который неподвижно висел в тесной комнатке.

Старик, сгорбив плечи, грустно смотрел на графинчик, видимо, прикидывая, на сколько его хватит, если регулярно прикладываться.

Неприятности мне не нужны, сам себе сердито сказал Олег Петрович. Мне и без того хватает забот.

– Икону я верну вам завтра, – неприятным голосом проговорил он. – Гена привезет. Вы положите ее в тайник, только не забудьте и ее как следует протереть!

– Голубчик мой, Олег Петрович, а может, икону... того? Может, не надо икону? – заскулил Василий Дмитриевич. – Никто ведь не знает, что она там... была, а? Может, не стоит ее возвращать?

– Василий Дмитриевич!

– А что такого, что такого? Этот, который принес коллекцию, ни словом, ни звуком, а там поди разбери, когда она пропала и кто ее... того... попер!

Сердясь на себя за то, что, с одной стороны, ему до боли хотелось оставить икону себе, а с другой – он уже принял решение вернуть, и это единственно возможное решение, еще сердясь на то, что обстоятельства и глупость Василия Дмитриевича заставляют его ввязываться в какое-то вовсе темное дело, Олег громко отчитал старика.

Тот слушал, вздыхал, а потом сказал:

– Нет в вас искорки, мой дорогой друг. Все вам хочется быть святее папы римского!

На это Олег отвечать не стал, быстро вышел из полумрака антикварной лавки на мороз, плюхнулся в машину и крепко захлопнул за собой дверь.

Гена в зеркало заднего вида посмотрел на него.

«Что случилось?»

«...твою мать!»

Гена весело пожал плечами и тронул машину с места.

Все ясно. Шеф не в духе, но придет время, и он все расскажет. Они всегда дружно жили, хозяин и водитель, и отлично понимали друг друга.

– Что так долго? – спросила рядом прекрасная барышня, придвинулась и взяла его под руку.

Он опять позабыл, как ее зовут. «Что-то с памятью моей стало!...»

– Дела, – проскрипел Олег Петрович.

– Вот с тем старым перечником дела? – весело удивилась барышня. – Да ладно тебе! Или ты решил ему отсвинячить, чтобы он мне кресло добыл?

Олег сбоку посмотрел на нее. Ах, какая хорошенькая, глаз не оторвать!

– Что я... решил? – спросил он осторожно.

– Ой, ну так все говорят! Ну, денег дать, чтобы он кресло достал! Ну, признайся, да? Да? А может, ну ее на фиг, и роман с ней тоже на фиг?! Может, не стоит?!

Отсвинячить!..

Олег Петрович повел шеей, которой вдруг стало неловко в высоком воротнике свитера, и посмотрел в окно.

Гена неспешно разворачивался на расчищенном от снега пятачке перед лавкой Василия Дмитриевича, а по обледелым ступеням уже кто-то поднимался, и Олег вдруг подумал, что старик, в отчаянии опрокинувший уже примерно две трети графинчика, вряд ли будет в состоянии принимать посетителей и клиентов.

Он еще раз взглянул в окно, и что-то смутно знакомое почудилось ему в человеке, который не торопясь поднимался по ступеням и уже взялся за медную ручку, чтобы потянуть на себя дверь.

Но прекрасная барышня держала его под руку, щебетала рядом, и он не стал приглядываться к посетителю старика.

Человек, проводив глазами громадную, как кит, машину, помедлил и вошел в лавку.

У него был пистолет, и поэтому руку из кармана он не вынимал.

– Василий Дмитриевич! – позвал он. – Это я!

– А? – отозвался из-за ширмы старик. – Здравствуйте, батюшка!

– Василий Дмитриевич, вы достали то, что я просил?

Старик, который выглядел сегодня совсем неважно, подслеповато на него прищурился, завздохал, забормотал по-немецки, загремел ключами и двинул в свою кладовку. Посетитель постоял у двери и пошел следом за ним. Он был проверенным и давним клиентом, и старик его нисколько не опасался.

Пистолет в кармане становился как будто все тяжелее, и вороненая ручка словно обжигала ладонь.

Он знал, что должен это сделать, и вдруг всерьез перепугался.

Ты сможешь, сказал он себе. Ты должен.

Он вытащил из кармана пистолет и заложил руку за спину.

Старик возился в кладовой, гремел ключами.

Посетитель подошел к двери и остановился.

Старик обеими руками вытаскивал из сейфа тяжеленную серебряную шкатулку, отделанную самоцветами.

– Вот, извольте видеть, батюшка, вот и наш, так сказать, тайник! – Он поставил шкатулку на какую-то длинную полку, тянувшуюся вдоль стены и заваленную всяким хламом. – Если вы повнимательнее присмотритесь, то обнаружите именно здесь отверстие, при помощи которого можно тайник открыть. Да вы посмотрите, посмотрите, какая работа, а ведь середина восемнадцатого века! Да что мы здесь, пойдемте к моему столику, там у меня и лупа, и свет получше!

И старик поволок шкатулку из комнаты, обнимая ее, как живое существо.

Человек помедлил и вышел следом. Рука с пистолетом у него за спиной мелко дрожала.

– Вот-с, две пластины, и между ними небольшой зазорчик! Если вы потянете за нижнюю, ящичек выедет, и...

Давний и проверенный клиент вынул из-за спины руку, в которой был пистолет.

– А это что такое? – удивился старик. – Голубчик вы мой, зачем же оружие? Здесь же нет никого, кроме нас, у меня здесь, вот видите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.